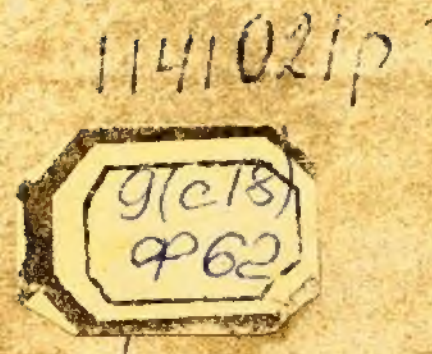
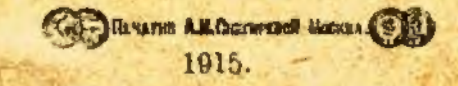

Проф. Н. Н. ѲИРСОВЪ.

ЧТЕНІЯ
ПО
ИСТОРІИ СИБИРИ.

Выпускъ I-й.

Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Института
Имени Николая II.

1915.

Проф. Н. Н. ѲИРСОВЪ.

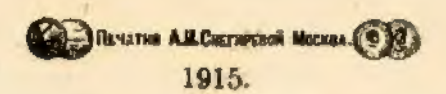
ЧТЕНІЯ

по

ИСТОРІИ СИБИРИ.

Выпускъ I-й.

Изданіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Института
Имени Николая II.

1915.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Московскаго Археологическаго Института Имени Императора Николая II.

Директоръ Института **Александръ Успенскій.**

Посвящается

Глубокоуважаемому

Директору Московскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Археологическаго Института Имени ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го

Александру Ивановичу Успенскому.

Отсутствіе въ русской исторической литературѣ общихъ обзоровъ исторіи Сибири послужило поводомъ къ рѣшенію издать настоящую работу хотя бы для тѣхъ лицъ, которымъ пришлось прослушать курсъ автора по исторіи Сибири въ Казанскомъ Университетѣ и Московскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Предлагаемая работа, составленная по конспектамъ этого курса, не преслѣдуетъ какихъ-либо изслѣдовательскихъ цѣлей, а стремится только дать самое общее представленіе о предметѣ изложенія. Указывая самымъ заглавіемъ на происхожденіе этой работы, авторъ однако не сохранилъ лекціоннаго порядка, а раздѣлилъ ее на главы сообразно съ тѣми вопросами, на которые распадается изложеніе. Хотя авторъ и пользовался нѣкоторыми рукописными матеріалами, но въ основу его разсказа легли печатные источники и пособія (отчасти отмѣченные въ самомъ сочиненіи), полный списокъ которыхъ будетъ приложенъ къ послѣднему выпуску этого труда. Фотографическіе снимки, помѣщенные въ настоящемъ выпускѣ его, сдѣланы съ рисунковъ, которыми иллюстрирована „Краткая Сибирская лѣтопись", такъ называемая „Кунгурская" (Изд. 1880 г., въ Петроградѣ).

Авторъ.

Г. статья
История

Чтенія по исторіи Сибири.

I.

Исторія Сибири до появленія въ ней русскихъ мало извѣстна. По множеству встрѣчающихся въ Сибири древнихъ могилъ и находимымъ въ нихъ издѣліямъ, заключаютъ, что въ южныхъ, плодородныхъ мѣстностяхъ Сибири „жило многочисленное населеніе, достигшее уже извѣстной степени культурнаго развитія". Въ числѣ могильныхъ вещей было не мало сдѣланныхъ изъ золота и серебра. Это свидѣтельствуетъ, что населеніе края умѣло добывать и обработывать благородные металлы задолго до прихода русскихъ; но въ то же время такое содержимое могилъ, когда русскіе начали заселять эту страну, привлекло къ нимъ усиленное вниманіе пришельцевъ, не замедлившихъ приступить къ расхищенію могильныхъ кладовъ. Такимъ образомъ первые русскіе переселенцы въ краѣ уже XVI и XVII в.в., до разработки рудниковъ, нашли въ Сибири „золотое дно" въ ея стародавнихъ могилахъ и курганахъ. Здѣсь создался особый промыселъ по разрыванію могилъ и кургановъ, развившійся на столько, что „могильное золото и серебро" сдѣлались особою отраслью торговли, какъ намъ сообщаетъ о томъ д-ръ Мессершмидтъ, побывавшій въ Сибири по порученію Петра Великаго. Эти первоначальные работники надъ курганами, кладоискатели или „бугровщики", какъ ихъ называли тогда,

разумѣется, не мало повредили дѣлу сибирской археологіи, возникшей въ новѣйшее время. Совершенно пропали для послѣдней и старинныя собранія любителей древнихъ вещей, собиравшихся не съ цѣлью наживы, а ради любознательности; ибо и эти любознательные, иной разъ и образованные люди, смотрѣли на свои коллекціи не какъ на научный матеріалъ, а какъ на собраніе „курьезовъ", расходившихся послѣ ихъ смерти по разнымъ рукамъ и исчезавшихъ безслѣдно.... Тѣмъ не менѣе то, что начали собирать въ новѣйшее время съ чисто научною цѣлью, настолько значительно, что дало матеріалъ для нѣсколькихъ сибирскихъ музеевъ; всестороннее же изслѣдованіе этого матеріала съ цѣлью уясненія, по крайней мѣрѣ, основныхъ элементовъ особой сибирской культуры должно быть отнесено еще къ будущему и по существу является дѣломъ спеціалистовъ—археологовъ....

Обращаясь къ изученію Сибири съ момента появленія въ ней русскихъ, мы однако прежде всего должны указать на особенности страны, постепенно занимавшейся русскими, и перечислить населеніе, которое здѣсь они встрѣтили.

При одномъ имени Сибири въ вашемъ умѣ возстаетъ образъ громаднѣйшихъ пространствъ, растилающихся отъ Уральскаго хребта до береговъ Великаго Океана и отъ береговъ Сѣверно-Ледовитаго Океана до сѣверныхъ границъ Китайской имперіи и до нынѣйшихъ, такъ называемыхъ средне-азіатскихъ владѣній Россіи, словомъ, образъ гигантской страны, охватывающей всю сѣверную часть Азіи и своими размѣрами въ $1^1/_2$ раза превосходящей всю Европу и въ $2^1/_2$ раза всю Европейскую Россію. Извѣстно, что Сибирь занимаетъ пространство до 280,000 кв. миль, представляя страну исключительнаго контраста въ климатическомъ отношеніи (болѣе 100^0). По устройству поверхности Сибирь дѣлятъ на двѣ части—западную и восточную, имѣющія между собою общимъ то, что вдоль Сѣверно-Ледовитаго Океана въ обѣихъ частяхъ тянется унылая, безплодная, никогда совсѣмъ не оттаивающая тундра. Западная часть—низменная, съ юга какъ бы окаймленная съ одного

конца Алтайскими горами и ихъ отрогами, а съ другого—отрогами Урала и между той и другой возвышенностями сливающаяся со степной полосой, съ пустынями Туркестана. Большую часть Западной Сибири занимаетъ громадный бассейнъ широкой и многоводной Оби; при чемъ лѣвая рѣчная вѣтвь этого бассейна, главнымъ стволомъ которой является самый значительный притокъ Оби—Иртышъ, раскинулась въ довольно близкомъ разстояніи отъ рѣкъ и рѣчекъ камскаго бассейна, а правые притоки Оби сближаютъ ее съ другой великой сибирской рѣкой — Енисеемъ. Этотъ послѣдній можетъ быть названъ естественной границей между Западной и Восточной Сибирью, ибо къ Востоку отъ этой рѣки лежитъ страна, которой только сѣверная полоса представляетъ тундру, а большая часть пространства занята горами или ихъ отрогами. На южной окраинѣ Восточной Сибири находится озеро Байкалъ, окруженное со всѣхъ сторонъ горными цѣпями; за Байкаломъ начинается Яблоновый хребетъ, отклоняющійся на сѣверо-востокъ, куда тянется и продолженіе этихъ горъ — Становой хребетъ, отроги котораго идутъ въ самый крайній сѣверо-восточный болотистый уголъ—по направленію къ Чукотскому носу или къ мысу Дежнева; къ югу отъ этого угла лежитъ, какъ извѣстно, полуостровъ Камчатка, высокія горы которой со снѣжными вершинами и большими вулканами — сопками (Кролюницкая и Ключевская) [1]) сближаются сѣверными своими грядами съ горной системой Станового хребта.

Среди горной страны Забайкалья протекаетъ рѣка Амуръ, по берегамъ котораго лежала Даурія, путь куда въ XVII стол. былъ въ высшей степени труденъ и опасенъ чрезъ едва проходимые горные кряжи и чрезъ дѣвственные безконечные сибирскіе лѣса, кишѣвшіе дикими звѣрями. На русскаго человѣка, даже самаго неустрашимаго характера, крѣпкой воли, какимъ былъ, напр., знаменитый протопопъ Аввакумъ, эта дикая горная страна производила потрясающее впечатлѣніе...

---

[1]) Первая выше самого высокаго европейскаго вулкана Этны, а вторая выше Монблана.

Во время вынужденнаго путешествія въ Поамурье или (по древне-русскому наименованію) въ Даурію Аввакумъ, привыкшій, какъ и всѣ русскіе люди, къ равнинамъ своей родины, былъ подавленъ видомъ высокихъ каменныхъ горъ, среди которыхъ лежалъ путь. „Горе стало", разсказывалъ онъ впослѣдствіи въ автобіографіи, — „горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ и поглядѣть — заломя голову. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змѣи великіе, въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—періе красное; тамо же вороны черные, а галки сѣрыя... Тамо же орлы и соколы и курята индійскія, и бабы, и лебеди, и иныя дикіи—многое множество—птицы разные. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри дикіе: козы, и олени, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикіе: во очію нашу, а взять нельзя".

Дѣйствительно, эта огромная южная окраина восточной Сибири, при всей ея дикости, была благодатною страной, обильною всевозможными естественными богатствами. Прибайкалье съ его центромъ, величественнымъ озеромъ, имѣющимъ приливы и отливы, кристалически прозрачную воду и изобильное рыбой, а также Нерчинскій край, лежащій къ востоку отъ Байкала и уже являющійся, какъ бы, переходомъ къ Амурскому краю, — съ его богатыми серебромъ и золотомъ горами,—это такая обширная область, которая не можетъ быть названа иначе, какъ одной изъ богатѣйшихъ въ мірѣ...

Поамурье еще болѣе манило пришельцевъ дарами своей мощной и щедрой природы. Вотъ какими чертами характеризуетъ эту природу путешественникъ нашего времени: „Въ тайгѣ Амура", пишетъ Елисѣевъ, „природа не поскупилась на свои дары; она дала ей много свѣта, много красокъ, много жизни и красоты. Въ ней растутъ рядомъ сосна и виноградъ, кедръ и орѣшникъ, дубъ и ліана, дикая яблоня и могучая грабина; сотни цвѣтущихъ кустарниковъ и травъ благоухаютъ подъ таинственными сводами великановъ лѣса... Разнообразныя деревья поднимаются здѣсь на десятки саженъ, кусты образуютъ непроницаемыя стѣны, а травы скрываютъ не только оленя, но и всадника вмѣстѣ съ ко-

немъ. Сѣть плющей, павелики и дикаго винограда, сплетающихся между собой и стволами деревьевъ, кусты, заполняющіе всѣ промежутки, образуютъ такія непроходимыя чащи, передъ которыми мѣстами безсиленъ самый топоръ; лишь одинъ огонь можетъ разрушить эту сплошную стѣну сплетшихся между собою растеній". Здѣсь водятся еще до сихъ поръ тигры, барсы, бурые мѣдвѣди, соболи (которыхъ становится все меньше и меньше), изрѣдка чернобурыя лисицы. Объ обиліи до сихъ поръ рыбы въ р. Амурѣ мы имѣемъ слѣдующее современное намъ свидѣтельство: „Порой", пишетъ Алябьевъ, „во время движенія вверхъ по рѣкѣ „проходныхъ рыбъ" рѣка такъ и кипитъ, устье рѣки запружается ими, а берегъ рѣки иногда на нѣсколько времени бываетъ покрытъ сплошными кучами выброшенной волнами рыбьей икры. Кета, горбуша и осетръ имѣютъ здѣсь наиболѣе хозяйственное значеніе". „Гдѣ можно"? спрашиваетъ Алябьевъ, „кромѣ Уссури (притокъ Амура) однимъ неводомъ вытащить болѣе 2,000 пуд. рыбы и захватить ихъ разомъ нѣсколько тысячъ штукъ?" „Амурскій осетръ", говоритъ третій путешественникъ Грумъ-Гржмайло, „достигаетъ вѣсомъ до 10 пудовъ". Это—теперь, въ тѣ же времена, съ которыхъ мы должны начать свое изложеніе, природныя богатства Поамурья вообще и въ частности рѣки Амура и его притоковъ были неизмѣримо значительнѣе... Но сюда невѣроятно трудно было попасть въ старину, перебираясь изъ рѣки въ рѣку, чрезъ безконечную тайгу, тянувшуюся всей западной и восточной Сибирью, трудно было передвигаться, переваливая чрезъ горные кряжи, при суровомъ климатѣ, съ несравненно болѣе низкой температурой, чѣмъ подъ той же широтой въ Европейской Россіи и при всемъ томъ встрѣчая упорное сопротивленіе со стороны туземнаго населенія, разбросаннаго по этимъ неоглянымъ пространствамъ.

Съ этими пространствами, разумѣется, предстояла первая и самая трудная борьба. Внѣшній видъ ихъ, кажется, уже намѣченъ: сѣверная полоса—тундра, какъ въ западной, такъ и въ восточной Сибири, южнѣе тундры идетъ тайга, мрачный

и безмолвный сибирскій лѣсъ—тоже въ обѣихъ половинахъ Сибири, но съ тою разницей, что въ восточной онъ покрываетъ гористую страну, а въ западной низменную; наконецъ еще южнѣе въ Западной Сибири степи, примыкающія съ двухъ концовъ къ горамъ, а между ними сливающіяся со средне-азіатскими равнинами; въ восточной—южная полоса наполнена горными хребтами, распространяющимися и на сѣверо-востокъ, и отрогами этихъ хребтовъ.

Какіе же народы жили на указанныхъ пространствахъ Азіи?

Въ Западной Сибири на крайнемъ сѣверѣ бродили Самоѣды, южнѣе ихъ Остяки по правой сторонѣ Оби и Вогулы—по лѣвой, далѣе къ югу по Иртышу жили Татары, а по обѣ стороны Оби—остятскія же поколѣнія; южнѣе Татаръ кочевали Киргизы, а южнѣе этихъ послѣднихъ Калмыки. Сверхъ того, Киргизы населяли предгорья Алтая, а Калмыки предгорья Саянскихъ горъ, уже по ту сторону Енисея—по сосѣдству съ Коттами и съ Тубинцами, нынѣшними Урянхайцами.

Между Обью и Томью жили Телеуты, а восточнѣе ихъ, между Томью и Енисеемъ, гранича на югѣ съ Киргизами и юго-западѣ съ Калмыками, жили Татары, на сѣверѣ соприкасаясь съ Чатами и съ такъ назыв. Пѣгими Калмыками или „Нарымъ,“ жившими по среднему теченію Оби. Изъ Нарымскаго края можно было по рѣкѣ Тыму, впадающей въ Обь, затѣмъ, чрезъ волокъ и по рѣкѣ Сыму, впадающей въ Енисей, перебраться въ земли, занятыя Енисейскими Остяками, а по рѣкѣ Кети, — правому же притоку Оби, и волокомъ въ Енисей шла другая дорога чрезъ земли Тунгусовъ, между Обью и Енисеемъ, въ земли Тунгусовъ же по лѣвому берегу послѣдней рѣки между нижней и верхней Тунгусками; южнѣе Тунгусовъ по лѣвому берегу Енисея жили Ассаны, а далѣе въ Восточной Сибири становища Тунгусовъ были разбросаны по обширному пространству къ сѣверу и къ сѣверо-востоку отъ Нижней Тунгузки вплоть до нижняго теченія рѣки Колымы. Прямо на сѣверъ отъ Тунгусовъ

Нижней Тунгуски жили Самоѣды—на полуостровѣ Таймыръ; на сѣверо-востокъ отъ Нижней Тунгуски становища Тунгусовъ прерывались становищами Якутовъ по лѣвому берегу Лены и по нижнему теченію рѣки Яны, а также становищами Юкагировъ, обитавшихъ по среднему теченію Яны, по р. Индигиркѣ и Колымѣ. Сѣвернѣе тѣхъ и другихъ, т.-е. Якутовъ и Юкагировъ, опять шли Тунгусы по берегамъ Ледовитаго Океана между впадающими въ него рѣками Анабарой и Колымой.

Сверхъ того, Тунгусы жили еще въ Прибайкальскомъ краѣ, съ трехъ сторонъ — съ сѣвера, запада и востока — окружая озеро Байкалъ; съ запада ихъ сосѣдями были Буряты, а съ юго-запада — Балагаты. Съ Тунгусами, самымъ большимъ народомъ Восточной Сибири, мы покончимъ, если упомянемъ ихъ еще въ горной области Становаго хребта, гдѣ восточными ихъ сосѣдями были Ламуты, жившіе по берегу Охотскаго моря. Къ югу отъ горныхъ Тунгусовъ въ Поамурскомъ краѣ жили Дауры, Дучары, Куяры, Ачалы, Натки, Гиляки. Въ сѣверо-восточномъ углу Сибири по обѣ стороны Пенжинскаго залива жили Коряки, а къ сѣверу отъ нихъ Чукчи.

Вотъ почти всѣ народы и народцы, которые найдены были въ Западной и Восточной Сибири первыми русскими піонерами въ этихъ невѣдомыхъ для нихъ, необъятныхъ и суровыхъ странахъ.

Всѣ эти народы, одной и той же желтой расы, говорятъ на разныхъ языкахъ и принадлежатъ къ разнымъ этнографическимъ группамъ. Такъ, Самоѣды принадлежатъ къ урало-алтайской группѣ, родственной финнамъ. Обскіе остяки, народъ угро-финской группы, къ которой принадлежатъ и вогулы, не тотъ же самый народъ, какъ Енисейскіе остяки, говорящіе на другомъ языкѣ и относимые этнографами къ такъ называемой тунгузской группѣ, родственной манчжурамъ. Нѣкоторые (напр. проф. Катановъ) думаютъ, что Енисейскіе остяки помѣсь финновъ и тюрковъ. Къ тунгузской же группѣ, кромѣ Тунгузовъ, причисляются Ла-

муты, Гиляки, Коряки, Чукчи и нѣкоторые другіе. Изъ народовъ монгольской группы наиболѣе видный — Буряты. Древніе Дауры, Дучары и другіе поамурскіе народы принадлежали къ поколѣніямъ манчжурскаго происхожденія. Къ тюркской группѣ относятся: Киргизы, — древнѣйшій тюркскій народъ Сибири, Татары, Якуты, Калмыки, Тубинцы или Урянхайцы, Котты, Телеуты, Балагаты, Ассаны, Чаты, — послѣдніе три, по предположенію проф. Катанова, получили свои названія отъ родовыхъ старшинъ. Само собой понятно, всѣ эти сибирскіе народы не только въ одиночку, но и всѣ вмѣстѣ взятые совершенно терялись на гигантскихъ пространствахъ Сѣверной Азіи; но, надо полагать, число ихъ (которое возстановить нѣтъ ни малѣйшей возможности) было больше, чѣмъ въ настоящее время, когда приходится констатировать, что нѣкоторые изъ прежнихъ народовъ совершенно исчезли, [1]) а другіе вымираютъ на нашихъ глазахъ. Таковъ очевидный итогъ столкновеній и совмѣстной жизни сибирскихъ инородцевъ съ пришельцами—русскими. Эти столкновенія и совмѣстная жизнь русскихъ въ Западной Сибири начались въ концѣ XVI в., а въ восточной въ I-ой пол. XVII в. Тогда, во время трудныхъ и опасныхъ походовъ русскихъ піонеровъ, были основаны первые опорные пункты русской колонизаціи, сначала въ Западной, а потомъ и Восточной Сибири; тогда русскіе безвѣстные „землепроходцы“ нащупывали почву на Дальнемъ Востокѣ, желая встать прочной ногой въ Дауріи, о природныхъ богатствахъ которой ходили заманчивые, баснословные разсказы, разжигавшіе аппетиты разныхъ „охочихъ“, вольныхъ „добрыхъ молодцевъ“, искателей „новыхъ землицъ“.

Такимъ образомъ сразу намѣчается первый вопросъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію въ исторіи Сибири, это — вопросъ о русской колонизаціи среди этихъ громадныхъ пространствъ, со всѣми ея соціологическими и психологическими послѣдствіями.

---

[1]) Такъ напр., Ассаны или Балагаты (также Арины) поглощены татарами и своего языка не помнятъ (проф. Н. Ѳ. Катановъ).

Колонизацію правильно считаютъ основнымъ фактомъ русской исторіи. Къ какой бы эпохѣ ея мы ни обратились, мы всюду встрѣтимся съ этимъ фактомъ, находящимся въ тѣсной связи со всѣмъ нашимъ политическимъ и общественнымъ строемъ. Колонизація была—и одной изъ важныхъ причинъ политическаго и общественнаго порядка, какъ онъ слагался и сложился въ Россіи, и однимъ изъ главнѣйшихъ слѣдствій этого порядка, дѣйствіе котораго въ смыслѣ развитія колонизаціи продолжается и до сихъ поръ. Но прежде всего славяно-русская колонизація стоитъ въ неразрывной связи съ природой страны, на которой нашихъ предковъ застаетъ исторія. Такія географическія условія, какъ обширность и равнинность восточной Европы, какъ бы предопредѣляя образованіе здѣсь въ будущемъ великаго единаго государства, въ то же время долго не располагали населеніе къ прочной осѣдлости, содѣйствовали его разброду, удерживали въ характерѣ этого населенія кочевыя привычки и склонность къ бродяжничеству. Великія рѣки Восточной Европы съ многочисленными вѣтвями притоковъ и близость рѣчныхъ бассейновъ другъ къ другу облегчали подчиненіе населенія, такъ сказать, центробѣжной силѣ природныхъ условій страны: рѣки растаскивали населеніе по разнымъ угламъ равнины; но онѣ же поддерживали связь между отдѣльными его частями, распредѣлявшимися по рѣчнымъ бассейнамъ. Хорошо извѣстно, что самое образованіе великорусской народности въ верхне-волжскомъ и окскомъ краѣ есть результатъ постепеннаго заселенія этого края славяно-русскимъ племенемъ, которое и встрѣтилось здѣсь съ финскимъ населеніемъ (Весью, Мерей, Муромой и Мещерой), частью, послѣ упорной борьбы, оттѣснило его дальше на сѣверо-востокъ, частью же ассимилировало съ собой. Въ результатѣ послѣдняго процесса и получилась одна изъ разновидностей славяно-русскаго народа—его великорусская вѣтвь. Эта колонизація началась еще за предѣлами историческаго наблюденія,—по всей вѣроятности, изъ области ильменскихъ

Славянъ, была новгородской и создала въ Верхнемъ Поволжьѣ первые русскіе города—Ростовъ и Суздаль; эта-то новгородская колонизація собственно и явилась той базой, на которой начался процессъ захвата нынѣшней средней Россіи славянами и формированія здѣсь новой, великорусской народности. Новгородскіе Славяне, проторивъ въ глубочайшей древности пути въ Верхнее Поволжье, всегда сохранили самую тѣсную связь съ нимъ, называя его Низовой Землей. Но эта колонизація съ сѣверо-запада существенно была поддержана уже на глазахъ исторіи—съ юго-запада, изъ Поднѣпровья, откуда населеніе пошло въ сумрачные заокскіе лѣса, уступая тяжелой необходимости. Постоянныя княжескія усобицы въ южной Руси и набѣги на нее степняковъ,—тѣ и другіе, сопровождавшіеся опустошеніями и разореніями земли, слѣдовательно—невозможностью здѣсь какой-либо хозяйственной жизни (на что опредѣленно указывалъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей эпохи—Владиміръ Мономахъ) заставляли населеніе массами покидать благодатный по климату и почвѣ край и переселяться въ непривѣтливую страну съ трудно проходимыми лѣсами и болотами, съ суровымъ климатомъ и мало-плодородной почвой. Наиболѣе энергичные люди южно-русскаго населенія, не желая мириться съ наличною дѣйствительностью, ни политическою, ни экономическою, двигались въ сѣверо-восточный по отношенію къ Поднѣпровію край, селились на его великихъ рѣкахъ, устраивали здѣсь новое себѣ гнѣздо, чтобы оставить его въ слѣдующихъ поколѣніяхъ и итти дальше, какъ по теченію рѣкъ внизъ, такъ и противъ теченія—вверхъ въ случаѣ обрѣтенія въ пути устья новой рѣки. Въ этомъ движеніи „охочіе“ люди были первыми піонерами, авангардомъ колонизаціи, коимъ иногда, по обстоятельствамъ, приходилось отходить и обратно, назадъ, если они несвоевременно слишкомъ далеко забрались впередъ. Съ сохой, топоромъ, рыболовными снастями и оружіемъ передвигались эти люди все на новыя и новыя мѣста обширнаго поволжскаго края, отвоевывая ихъ у

испоконъ вѣковъ сидѣвшаго здѣсь инородческаго населенія. Нашествіе монголовъ и образованіе въ Поволжьѣ сначала одного, потомъ двухъ татарскихъ царствъ на время сильно ослабили, но не прекратили вполнѣ этого мощнаго движенія: оно сдѣлалось изъ постояннаго спорадическимъ, пріобрѣло промышленно-экспедиціонный характеръ. Имѣемъ свидѣтельство, что еще до покоренія Казани ежегодно по Волгѣ спускались русскіе люди для ловли рыбы значительно ниже этого города, „верстъ на 1000“: ловля происходила „подъ горами Дѣвичьими“ „отъ Змѣева камня до Увека“; русскіе рыболовы заѣзжали также и въ Казань и проживали тамъ „все лѣто“; осенью же возвращались обыкновенно домой на Русь съ уловомъ „и тѣмъ весьма богатились“. Ханъ Шигъ-Алей, однажды убѣжавши изъ Казани, собралъ по Волгѣ такихъ рыболововъ до 10,000 челов., которымъ тоже поспѣшно пришлось уйти съ Волги изъ опасенія попасться татарамъ „предавъ“, по выраженію Рычкова, „огню и водѣ бывшіе у нихъ рыболовныя снасти и припасы“ и „взявъ на пропитаніе свое изъ уготовленной ими рыбы столько, сколько на себѣ понесть было возможно“.

Такъ русское населеніе въ лицѣ промышленныхъ людей само намѣчало для московскаго правительства необходимость движенія въ область средняго и нижняго Поволжья. Покореніе Казани и Астрахани было отвѣтомъ московскаго правительства на общее желаніе русскаго народа, было признаніемъ жизненности и необходимости въ томъ колонизаціонномъ движеніи въ средне и нижне—поволжскій край, которое, такъ сказать, стучалось въ запертыя ворота татарскихъ царствъ. Когда эти ворота были разбиты, сдерживаемое ими колонизаціонное движеніе снова разливается широкими волнами и внизъ по Волгѣ и вверхъ по Камѣ, путь на которую былъ открытъ съ паденіемъ казанскаго улуса. Мы видимъ, что оба движенія—народное-промысловое и правительственное идутъ рука объ руку и первое даже опережаетъ второе, дѣлая, въ силу этого восточную политику московскаго правительства весьма популярной на

Руси XVI вѣка не только вслѣдствіе въ данномъ случаѣ религіозно-національнаго ея характера, но и вслѣдствіе ея глубокаго экономическаго значенія для русскаго промыслового люда, неудержимо стремившагося къ захвату всего бассейна великихъ восточныхъ рѣкъ. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ успѣха этой политики было движеніе русскихъ въ Покамье и далѣе, за Уральскій хребетъ. И туда пошли тоже „охочіе“ люди, подобные тѣмъ, которые много позднѣе отъ „скудости большой“ на Дону, „отобравшись“, „пошли на Волгу, а съ Волги на море“; теперь „охочіе люди“ съ Волги пошли на Каму, а съ Камы за Камень, въ Сибирь. Они, вѣроятно, какъ и ихъ потомки съ Разинымъ за моремъ, не думали остаться въ Сибири навсегда, они шли воевать землю „сибирскаго салтана“, привести его въ покорность и получить съ него „добычу казацкую“: дальше, надо думать, не шли помыслы Ермака Тимоѳеевича съ товарищами. По крайней мѣрѣ, кажется, именно это хочетъ сказать одна сибирская пѣсня:

„Ужъ вы, горы, гороньки Алтайскія!
Пріютите вы насъ, добрыхъ, молодцевъ разбойничковъ:
Мы пришли къ вамъ, гороньки, не вѣкъ вѣковать.
Не вѣкъ вѣковать, одну ночку ночевать.

По мнѣнію извѣстнаго писателя о Сибири Ядринцева (высказанному имъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ за 1886 г.), здѣсь „таится исторія нашей колонизаціи“. Это, разумѣется, увлеченіе: исторія колонизаціи много сложнѣе; но пѣсня, дѣйствительно, едва ли не намекаетъ на самый первый моментъ, на начало сибирской колонизаціи.

II.

Мы отмѣтили, что послѣ покоренія Русскими поволжскихъ татарскихъ царствъ колонизаціонное движеніе продолжалось со значительной интенсивностью, и сѣверо-восточное направленіе этого процесса было движеніемъ въ Сибирь.

Пошло оно, какъ извѣстно, изъ владѣній промышленниковъ Пермскаго края Строгановыхъ. Послѣдніе были колонистами въ этихъ мѣстахъ. Раньше Строгановы промышляли солевареніемъ на Вычегдѣ, но тамъ была сильная конкуренція со стороны другихъ промышленниковъ, и Аника Строгановъ, будучи, какъ всякій промышленникъ новгородскаго происхожденія, прирожденнымъ колонизаторомъ, съ промышленными цѣлями—добывать соль, мѣдную и желѣзную руду—перебирается на Чусовую, въ Пермскій край. Здѣсь сыновьямъ этого предпріимчиваго солевара, начиная съ 1558 г., царемъ Иваномъ Васильевичемъ были пожалованы обширныя земли по Камѣ и Чусовой съ обширными же правами по владѣнію и управленію краемъ и съ обязанностью — укрѣплять край за Москвой и „оберегать“ его отъ инородцевъ. Въ грамотахъ, занесенныхъ въ Сибирскую лѣтопись, [1]) указывается Строгановымъ — сначала Григорію Аникіеву (1558 г.), а потомъ Якову Аникіеву (1568 г.)—ставить въ пожалованныхъ земляхъ городки по правую и лѣвую сторону Чусовой „для крѣпости и обереганья“. А земли эти были не малыя: отъ Камы по Чусовой по обѣимъ берегамъ этой рѣки, отъ ея устья „до вершины“, на протяженіи 80 верстъ. „Оберегать“ было что, и вотъ Строгановы получаютъ право не только „ставить городки“, но имѣть „городовой нарядъ скорострѣльный: пушечки и затинныя пищали и ручныя“,... также право—„людей называть въ тѣ городки вольно: пушкарей, и затинщиковъ, и пищальниковъ, и сторожей и воротниковъ держати“.

Это все было исполнено: городки были поставлены и оборудованы, именно для того, чтобы воспрепятствовать движенію на „пермскія мѣста“ со стороны „Сибирскихъ и Ногайскихъ людей и иныхъ ордъ“, „чтобы имъ“, говоритъ лѣтописецъ, „къ государевымъ пермскимъ городамъ пути не было“. Кромѣ того лѣтописецъ понимаетъ, что городки возникли въ Пермскомъ краѣ и для другой службы: „для

---

[1]) Лѣтопись Сибирская, изд. Г. Спасскаго, С. Петерб. 1821 г., стр. 3—8.

утѣсненія", говоритъ онъ, „Сылвенскихъ и Иренскихъ татаръ, и Остяковъ и Чусовскихъ, и Яйвинскихъ и Илвинскихъ и Косвинскихъ Вогуличъ"...

Такъ какъ обѣ миссіи—„оберегать" и „утѣснять" Строгановы изъ своихъ городковъ исполняли исправно, то за это государь ихъ пожаловалъ: велѣлъ дать Якову и Григорью Аникіевымъ „свою государеву грамоту", чтобы „имъ въ Сибирской странѣ", читаемъ мы въ лѣтописи, „за Югорскимъ камнемъ на Тагчеяхъ и на Тоболѣ рѣкѣ и на Иртышѣ, и на Оби и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ пригодится, для береженья и охочимъ людямъ на опочивъ, крѣпости подѣлати, и снарядъ огненной, и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей отъ Сибирскихъ и Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ держати, и около крѣпостей, у рыбныхъ ловель и у пашенъ дворы ставити, по обѣ стороны Тоболы рѣки, и по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и крѣпитися всякими крѣпостьми накрѣпко".

Пожалованье было удобнымъ для царя: Строгановы получили отъ него то, что ему самому не принадлежало; но это не помѣшало царю потребовать отъ Строгановыхъ, чтобы они тѣхъ Остяковъ, Вогуличей и Югричей, которые отстанутъ отъ Сибирскаго Салтана и начнутъ дань давать ему, московскому царю, посылали съ данью въ Москву [1]), а женъ и дѣтей ихъ оберегали бы „въ своихъ крѣпостяхъ"; непокорныхъ же „сибирцевъ" царь приказалъ въ полонъ имати и къ дани ему, государю, приводити, при помощи, какъ покорныхъ сибирцевъ, такъ и наемныхъ охочихъ людей и казаковъ...

Это милостивое пожалованье царемъ Иваномъ IV громадныхъ пространствъ на независимой отъ него территоріи

[1]) Виды Московскаго правительства на сибирскую дань возникли гораздо раньше разсматриваемаго времени: такъ имѣется грамота царя Ивана Васильевича отъ 1557 г. (слѣд., вскорѣ послѣ покоренія поволжскихъ татарскихъ царствъ) къ князю Певчею и ко всѣмъ Сорыкидскія земли князьямъ, о присылкѣ въ Москву дани со всякаго человѣка по соболю (М. Пуцилло: Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири, стран. 1. Портфели Миллера въ Московск. Арх. Иностр. Дѣлъ, № 127).

было сдѣлано въ 1574 году; но лишь въ 1579 году, Строгановы, Семенъ, Максимъ и Никита, обратились къ волжскимъ казакамъ съ приглашеніемъ ихъ на службу къ себѣ, „въ Чусовскіе городки и въ острожки,—на спомоганіе имъ", по словамъ лѣтописца. До Строгановыхъ дошелъ слухъ о храбрости и буйствѣ этихъ казаковъ на Волгѣ, и Пермскіе солевары послали къ нимъ „людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими". Волжская вольница состояла дѣйствительно изъ наиболѣе неустрашимыхъ и закаленныхъ людей... Не мирясь съ экономическими и административными условіями родины, они, ставъ разбойниками, не считали однако и новаго своего состоянія окончательнымъ, наоборотъ, они считали его временнымъ, случайнымъ и готовы были, при случаѣ, свои преступленія и злодѣянія покрыть службой тому же государству, изъ котораго они ушли, но кровной связи съ которымъ отнюдь не порвали. Вотъ почему волжскіе атаманы Ермакъ Тимоѳеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ съ готовностью приняли предложеніе Строгановыхъ, порадовавшись, по свидѣтельству лѣтописца, тому, что къ нимъ пришли послы „отъ честныхъ людей" и позвали „ихъ къ себѣ на помощь". 28-го іюня того же года волжскіе казаки Ермакъ Тимоѳеевичъ „Поволской" съ товарищами, „со единомысленною и предоброю дружиною", числомъ до 540 чел., прибыли въ Чусовскіе городки и были приняты здѣсь съ большою честью: Строгановы ихъ хорошо одарили, кормили и поили—„и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху". А за все это казаки въ теч. 2 лѣтъ и 2 мѣс. твердо стояли на стражѣ строгановскихъ владѣній въ Пермской землѣ и бились съ инородцами „сурово и немилостиво" [1]).

Къ осени 1581 года Строгановы снарядили Ермака съ товарищами въ Сибирскую экспедицію, присоединивъ къ казакамъ другихъ своихъ ратныхъ наемниковъ изъ литовцевъ, нѣмцевъ, татаръ и русскихъ, всего собравъ для этого отдаленнаго похода до 840 чел.: по крайней мѣрѣ, такое

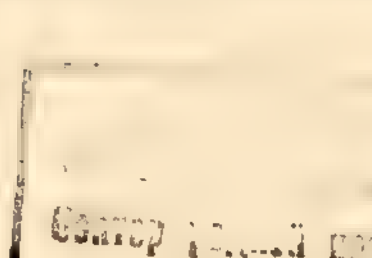
[1]) Сибирская лѣтопись, 14 и 15.

число показываетъ Строгановская лѣтопись, которой мы и руководствуемся, какъ наиболѣе достовѣрной; по Есиповской лѣтописи, отрядъ Ермака состоялъ изъ 540 чел.; по Ремезовской изъ 5000 чел. Задумавъ и осуществляя это предпріятіе при помощи наемниковъ, военныхъ сторожей своихъ вотчинъ, Строгановы не превысили данныхъ имъ царемъ полномочій: въ Западной Сибири имъ были пожалованы Иваномъ Грознымъ земли, находившіяся въ рукахъ сибирскаго царя или „салатана", и мы видѣли, что московскій царь въ своей жалованной грамотѣ на эти земли давалъ Строгановымъ какъ бы пропускное свидѣтельство въ Сибирь для агрессивныхъ дѣйствій противъ независимыхъ „Сибирцевъ"; между тѣмъ, когда двинулся Ермакъ въ Сибирь, а на „пермскія мѣста", по его уходѣ, напалъ пелымскій князь, то царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ обо всемъ этомъ, сильно разгнѣвался на Строгановыхъ, потребовалъ, чтобы они выслали казаковъ тотчасъ же въ Чердынь, оставивъ для защиты своихъ городковъ не болѣе ста человѣкъ, и грозилъ въ противномъ случаѣ наложить на промышленниковъ свою опалу, а атамановъ и казаковъ, которые имъ служили и его царскую землю выдали, перевѣшать... Строгановы были въ печали и недоумѣніи. Какъ же такъ: они за охраненіе русскихъ границъ обладали такими правами, даже подсудны были одному только царю, который имъ „велѣлъ городки ставить и людей воинскихъ прибирать на Сибирскаго салтана", говоритъ лѣтоп., „а нынѣ его же государевъ указъ": „не велѣно отпускать Волскихъ атамановъ и казаковъ, а у нихъ въ Сибирь отпущены Ермакъ съ товарищами"? Казаковъ поздно было ворочать назадъ; они были уже далеко...

Предпріятіе, задуманное энергичными Строгановыми, было вполнѣ цѣлесообразно съ точки зрѣнія промышленныхъ интересовъ этого торговаго дома. Посылая отрядъ Ермака въ Сибирь, этотъ „домъ" ничѣмъ, въ сущности, не рисковалъ, кромѣ стоимости экспедиціи, а между тѣмъ, даже и при неудачѣ ея, могла быть польза, которая съ

избыткомъ покрыла бы расходы: какъ ни какъ, въ пожалованныя земли экспедиціей проторялся путь, столь необходимый для развитія торговыхъ связей съ сибирскими народами, связей, сулившихъ Строгановымъ огромные барыши, при безпошлинномъ торгѣ съ азіатами, который тоже былъ одною изъ ихъ привилегій...

И такъ, самый замыселъ, иниціатива сибирской экспедиціи принадлежитъ Строгановымъ; выполненіе и планъ дѣйствій—казацкое дѣло и прежде всего, разумѣется, дѣло вождя отправившагося отряда, „велеумнаго“ Ермака Тимоѳеевича. Казаки понимали, что ихъ предпріятіе серьезное и что безъ строжайшей дисциплины оно удастся не можетъ, и дисциплина была установлена съ общаго уговора: такъ, было рѣшено блудниковъ публично обмывать и затѣмъ заковывать на три дня, а непослушныхъ и дезертировъ прямо топить. По рѣкамъ—по Чусовой и ея притоку Серебряной плыли до Сибирской дороги, до волока, который отдѣляетъ бассейнъ Камы отъ Обскаго, —затѣмъ волокомъ дошли до р. Жаровли, перетащивъ сюда наиболѣе легкія лодки и бросивъ наиболѣе тяжелыя, — этой послѣдней рѣчкой, во время половодья, спустились въ рѣчку Баранчу, Баранчею въ Тагилъ, которымъ приплыли въ Туру, протекавшую уже по сибирской землѣ; такъ съ неимовѣрными трудностями, сражаясь съ татарами, добрались казаки до сибирскаго царства, основаннаго, по преданіямъ, Монголами еще въ XIII ст.—во время походовъ Чингизъ-Хана; здѣсь на рѣкахъ—Тоболѣ, куда казаки приплыли Турой его притокомъ, и на Иртышѣ, куда доплыли Тоболомъ, притокомъ этой рѣки, самого большого притока Оби,—казаковъ ждали еще болѣе тяжелыя испытанія, не смотря на ихъ первыя побѣды надъ татарами. Непріятель, и послѣ пораженія Кучумова сына Маметкула и другихъ князей, былъ слишкомъ многочисленъ, сравнительно съ малочисленнымъ казацкимъ отрядомъ, въ которомъ уже не было нераненныхъ, — мало надежды было также успѣшно справиться съ самимъ Кучумомъ, укрѣпившимся со своими войсками въ одной засѣкѣ

близь городка Атикъ —Мурзы, занятаго Ермакомъ съ товарищами. Нѣкоторые изъ казаковъ поколебались было и поставили вопросъ о возвращенiи назадъ; но въ „кругу" восторжествовало противоположное мнѣнiе идти впередъ, мнѣнiе людей, подобныхъ ихъ вождю, нечеловѣческой выносливости и непоколебимой воли. Начался неравный, кровопролитный бой горсти отважныхъ людей съ татарскими массами. Тьма стрѣлъ полетѣла въ казаковъ, и храбрѣйшiе изъ нихъ были быстро переранены. Татары, разломавши въ трехъ мѣстахъ засѣку, бросились изъ нея въ рукопашную; но эта вылазка встрѣтила отчаянное сопротивленiе казаковъ, бившихся „крѣпко". Сѣча была лютая, бились грудь къ груди, хватая „другъ друга за руки". Казацкая мощь мало по малу начала брать верхъ. Множество татаръ пало, и они стали разбѣгаться; засѣка была отбита казаками, которые и поспѣшили водрузить на ней свои знамена.

Сынъ сибирскаго „салтана" Кучума—Маметкулъ былъ въ этой схваткѣ раненъ, и татары едва его спасли, увезя на маленькой лодкѣ за Иртышъ-рѣку. Пораженiе татаръ было полное. Кучумъ бѣжалъ въ свою столицу, городъ Сибирь на р. Иртышѣ, захватилъ отсюда нѣкоторую часть своихъ сокровищъ и пустился дальше. Городъ Сибирь опустѣлъ, почему и былъ занятъ Ермакомъ съ товарищами (26 октября 1582 г.) безъ новаго боя. Здѣсь казаковъ ждала лишь добыча: „богатство отъ злата и серебра", говоритъ лѣтописецъ, „и паволоки златыя и каменiе многоцѣнное, и соболина, и кунья и лисицъ драгихъ вельми множество". Эту богатую добычу побѣдители, по своему казацкому обычаю, подуванили, т.-е. раздѣлили между собой. Вскорѣ послѣ столь успѣшнаго начала покоренiя Сибири казаки плѣнили Маметкула и на нѣкоторое время закрѣпили за собой Сибирское царство взятiемъ „многихъ городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкѣ Иртышу и по великой Оби", а также „града Остяцкаго" „Нарыма" вмѣстѣ съ его княземъ [1]).

[1]) Сибирская лѣтопись, 33—44.

Давно указано, что своими необыкновенными побѣдами незначительный отрядъ Ермака, кромѣ казацкихъ боевыхъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ въ суровой школѣ вольницы, обязанъ огнестрѣльному оружію. Здѣсь, въ Западной Сибири, въ восемьдесятыхъ годахъ XVI стол. повторялось приблизительно тоже самое, что раньше произошло въ средней и южной Америкѣ, гдѣ горсть европейцевъ, съ Кортесами, Пизарро, Альмагро во главѣ, покоряла цѣлыя государства—именно благодаря огнестрѣльному оружію, столь же неизвѣстному въ Мексикѣ, Перу и Чили I-ой пол. XVI стол., какъ и въ Сибири послѣдней четверти этого же вѣка.

Покоривъ Сибирское царство, Ермакъ сначала не думалъ о подданствѣ московскому царю; онъ увѣдомилъ о своихъ побѣдахъ „честныхъ людей", его пославшихъ—Строгановыхъ, а дань собиралъ съ сибирскихъ инородцевъ и приводилъ ихъ въ подданство себѣ; такъ что нѣкоторое время, съ мѣсяцъ, имѣлъ значеніе новаго хана, и уже только тогда, когда выяснилось, что удержаться въ Сибири съ совсѣмъ незначительнымъ количествомъ оставшихся у него людей совершенно невозможно, Ермакъ снарядилъ въ Москву къ царю посольство, билъ ему Сибирскимъ царствомъ, послалъ дани съ его обитателей сибирскими соболями и просилъ подкрѣпленія, а также и прощенія за прежніе свои волжскіе подвиги. Царь былъ доволенъ,—тѣмъ болѣе, что это извѣстіе пришло въ самую мрачную годину жизни Ивана Васильевича, когда онъ незадолго предъ тѣмъ нечаянно убилъ своего старшаго сына и когда, казалось, не было ни малѣйшаго просвѣта въ мрачной кручинѣ царя, обремененнаго несчастіями... Вины Ермаку и его товарищамъ были отданы, и вождю сибирскаго похода, столь еще недавно вызвавшаго царскій гнѣвъ и на его иниціаторовъ, и на исполнителей, были посланы почетные подарки (Ермаку шуба съ царскаго плеча и двѣ кольчуги) и деньги, равно какъ и его товарищамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были отправлены въ Сибирь ратные люди съ воеводой Болховскимъ, дабы подкрѣпить Ермака

и принять отъ него главное управленіе покоренной страной. Послѣднее не могло нравиться покорителю Сибири, и онъ, повидимому, всталъ въ оппозицію къ прибывшимъ ратнымъ людямъ и не заботился о нихъ до тѣхъ поръ, пока кн. Болховскій не умеръ отъ цынги, когда главная власть опять перешла къ Ермаку. Положеніе его было очень трудное: царская помощь была ничтожна, и отрядъ его таялъ отъ голода, цынги, теряя своихъ членовъ въ борьбѣ съ туземцами, съ Кучумомъ, не оставившимъ своихъ надеждъ на возстановленіе своего улуса; главные сподвижники покорителя Сибири, въ томъ числѣ Иванъ Кольцо, уже сложили тамъ свои кости... Естественнымъ послѣдствіемъ этого положенія, наконецъ, явилась гибель и самого Ермака во время неравной борьбы на громадныхъ пространствахъ Сибири съ окружавшими его со всѣхъ сторонъ врагами, вовсе не желавшими столь легко проститься съ независимостью своей родины; а послѣдствіемъ гибели главнаго вождя былъ уходъ изъ Сибири оставшихся казаковъ и ратныхъ людей съ атаманомъ Мещерякомъ и воеводой Глуховымъ и занятіе этого города снова ханомъ Кучумомъ. Такимъ образомъ, вы видите, что первые покорители Сибири Ермакъ и его товарищи, благодаря тому, что они не получили серьезныхъ подкрѣпленій отъ Московскаго правительства, именно только показали путь туда, за Камень, съигравъ тѣмъ самымъ, какъ бы, роль открывателей новыхъ странъ. Дѣйствительно, съ этого момента Сибирь начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе не только русскихъ, но и европейцевъ. Московское правительство, не смотря на потерю Сибири, начинаетъ взирать на эту страну, какъ на свою собственную область, [1]) обѣщающую

[1]) И на это у московскаго правительства было юридическое основаніе: правительство имѣло шертную грамоту Татаръ, Остяковъ и Вогулачей Сибирскихъ о вѣчномъ подданствѣ ихъ Россіи, приведенныхъ къ присягѣ Ермакомъ съ товарищами. Сверхъ того, о подданствѣ Сибири Москвѣ напоминали и новыя предложенія такового отъ самихъ „Сибирцевъ:“ такъ, въ 1599 г. къ царю Ѳедору Ивановичу пріѣхалъ, отъ царя Тевкеля Киргизъ—Кайсацкой орды посолъ Кулмагметъ и просилъ принять этого царя въ русское подданство и отпустить племянника Уразъ-Магмета, захваченнаго въ плѣнъ въ Сибири (Пуцилло, цитир. „Указатель,“ стран. 4).

ему богатый ясакъ соболями и другими цѣнными мѣхами. Это убѣжденіе, что Сибирь уже покоренная страна, лишь только временно оставленная русскими, въ связи съ отсутствіемъ страха предъ ней, разрушеннаго удачнымъ набѣгомъ Ермака, и было прочнымъ залогомъ новыхъ походовъ туда ратныхъ людей и искателей новыхъ землицъ для промысловъ и добычи.

Покореніе Сибири Ермакомъ, сопровождавшееся необыкновенными подвигами его самого и его товарищей, произвело на Русскій народъ глубокое впечатлѣніе, чему краснорѣчивымъ свидѣтелемъ является неподкупная народная пѣсня. Народъ не знаетъ Строгановыхъ, какъ иниціаторовъ сибирскаго похода, онъ помнитъ только Ермака съ товарищами и вождю—атаману приписываетъ призывъ къ этому предпріятію.

Ой, вы, гой еси, атаманы молодцы!
Эй вы, дѣлайте лодочки—коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабайчики сосновые:
Мы поѣдемте, братцы съ Божьей помощью,
Мы пригрянемте, братцы, вверхъ по Волгѣ рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, царю Бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ;
И за это-то государь царь насъ пожалуетъ;
Я тогда-то пойду самъ къ Бѣлу царю;
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю бѣлому повинному"...
А вотъ и повинная:
„Я пришелъ къ тебѣ, Грозный царь,
Со товарищемъ съ Ванькой Каиномъ:
Всѣхъ я сиверныхъ странъ запечатальникъ;
Заполонили мы цѣлую Сибирь,

Да пришли къ тебѣ съ повинной головой:
Хоть прости, хоть казнить вели".

Такое мнѣніе народныхъ массъ о роли Ермака и его товарищей вполнѣ понятно: народъ инстинктивно понимаетъ все великое значеніе человѣческихъ подвиговъ, проявленія воли и силы въ жизни, словомъ значеніе энергичныхъ поступковъ, направленныхъ къ опредѣленной, ясной для него цѣли, поступковъ, поражающихъ воображеніе и вызывающихъ подражаніе. Для того, чтобы осталась за дѣятелемъ память въ народѣ, мало быть иниціаторомъ и составителемъ программъ, надо самому быть дѣятелемъ, не останавливающимся ни предъ какими препятствіями, ни предъ какимъ рискомъ и опасностями, при достиженіи важной, съ точки зрѣнія большинства, цѣли...

Такимъ и былъ Ермакъ съ товарищами, эти признанные народомъ покорители и герои Сибири.

Если начало покоренія Сибири стоило жизни вождю похода и почти всѣмъ его товарищамъ, то оно взяло неизмѣримо большее количество жизней у покоряемыхъ „Сибирцевъ". Есть извѣстіе, что въ 1555 г. у сибирскаго царя Едигера ясашныхъ черныхъ людей было 30,700 чел., а въ началѣ XVII в. въ семи уѣздахъ Западной Сибири количество ясашныхъ народцевъ насчитывалось не болѣе 3000 чел. Конечно, числа эти не таковы, чтобы за ихъ вѣрность можно было ручаться; но предположеніе, на основаніи ихъ, о томъ, что пришельцы—казаки не поцеремонились съ туземцами, кажется, можно сдѣлать съ большею вѣроятностью: жестокостями же пришельцевъ можно объяснить ту энергію, съ какою туземцы добивались удаленія незванныхъ гостей.

Эти гости ушли, а въ началѣ XVII стол. опять пришли и постепенно, въ теченіе 1-ой половины этого вѣка, послѣ упорной борьбы съ инородцами, заняли всѣ, наиболѣе удобные и выгодные пункты въ Западной Сибири.

Эти новые пришельцы были ратные люди и вольница изъ казаковъ, промышленниковъ и вообще „всякихъ лю-

дей", которыхъ условія жизни толкали къ переселенію на новыя, хотя бы и отдаленныя мѣста. Въ Западной Сибири возникаетъ не мало русскихъ городковъ, острожковъ и слободъ, начиная отъ Верхотурья и Ирбитской слободы, отъ самыхъ западныхъ населенныхъ пунктовъ Сибири и кончая Енисейскомъ, находящимся уже на самомъ рубежѣ съ Восточной Сибирью. Татарскій городъ Сибирь потерялъ свое названіе, но оно распространилось на всѣ завоеванія русскихъ въ Сѣверной Азіи; вмѣсто же татар скаго города Сибири возникъ русскій Тобольскъ. Этотъ городъ сдѣлался главнѣйшимъ пунктомъ не только Западной, но надолго и всей Сибири. Сюда стекались со всѣхъ сторонъ и товары, и люди, чтобы затѣмъ отсюда расходиться во всѣхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ въ восточную Сибирь, куда начинается сильное тяготѣніе казаковъ и промышленниковъ послѣ того, какъ Западная Сибирь была фактически закрѣплена за Москвой.

Въ покореніи и закрѣпленіи громадныхъ пространствъ Восточной Сибири продолжали проявляться тѣ же родовыя свойства, которыя такъ ярко обнаружились съ самаго начала покоренія Сибири—въ предпріятіи Ермака съ товарищами.

Эта первая экспедиція въ Сибирь явилась, какъ бы, образцомъ для послѣдующихъ. Оставивъ глубокій слѣдъ въ героическихъ воспоминаніяхъ русскаго народа, она несомнѣнно волновала сильныхъ, отважныхъ людей и вызывала ихъ на подражаніе первому „всѣхъ сиверныхъ странъ запечатальнику". Всѣ эти люди, при разнообразіи ихъ личныхъ свойствъ, имѣютъ между собой нѣчто общее, присущее всѣмъ имъ, родовое. Всѣ они прирожденные бродяги, съ ненасытною жаждой безконечнаго передвиженія, все на новыя и новыя мѣста, дабы найти тамъ звѣря и людей, поживиться отъ нихъ и идти еще дальше, хотя бы на край свѣта, съ поисками „новыхъ землицъ"... Черезъ вѣковую мглу глядитъ на насъ этотъ удивительный образъ русскаго „землепроходца", промысловщика—казака и служилаго че-

ловѣка, суроваго, безпощаднаго и алчнаго, но и безконечно выносливаго, стойкаго и отважнаго, не останавливающагося ни предъ подавляющими пространствами, ни предъ негостепріимной природой, ни предъ тысячей неизвѣстныхъ, но вѣрныхъ опасностей въ отдаленныхъ странахъ при встрѣчѣ съ воинственными туземцами. Эти-то родовыя свойства покорителей Сибири въ значительной степени и уясняютъ намъ, почему имъ, не смотря на до комизма малое ихъ число, удалось въ сравнительно небольшой періодъ времени, меньше столѣтія, и съ ничтожными матеріальными средствами „заполонить цѣлую Сибирь“, пройти и послѣ упорной борьбы закрѣпить за Москвой величайшія пространства „землицъ“ отъ Уральскаго хребта до Великаго океана и отъ Студенаго моря до Китайскихъ границъ.

Это, впрочемъ, тѣ самыя свойства, блистательно проявляемыя и въ нынѣшней великой борьбѣ, которыми создавалось русское государство и которыя, вытекая изъ физической и духовной мощи русскаго народа, въ своей совокупности и представляютъ его большую общественно-созидательную и организаторскую способность, внушающую даже скептикамъ вѣру въ его лучшее будущее.

III.

Въ Восточную Сибирь русскіе проникли и тамъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ утвердились еще въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Приводя инородцевъ „подъ высокую руку великаго государя“, русскіе первымъ своимъ дѣломъ по отношенію къ нимъ считали сборъ съ нихъ ясака, т. е. приведеніе ихъ въ финансовую зависимость отъ московскаго царства и его слугъ.

Финансовое управленіе инородцами велось изъ укрѣпленныхъ городковъ или остроговъ, которые къ тому же служили опорными базами для дальнѣйшаго движенія въ разныхъ направленіяхъ. Около средины XVII вѣка главными операціонными базами русской колонизаціи въ сѣверо-

восточной Азіи были города Якутскъ и Енисейскъ. Все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ русскіе двигались главнымъ образомъ изъ Якутска. Въ 40-хъ годахъ XVII вѣка они добрались до рѣки Колымы, не оставивъ намѣренія идти еще дальше.

Въ 1648 году служилый человѣкъ Семенъ Дежневъ двинулся на судахъ изъ устья рѣки Колымы, впадающей въ Сѣверно-Ледовитый океанъ. Цѣль этой морской экспедиціи прежняя—поиски новыхъ землицъ и новыхъ ясачниковъ. Экспедиція оказалась весьма опасной и трудной. Надо удивляться, какъ не погибли эти смѣльчаки, пустившіеся въ неизвѣстный путь по сѣверному океану на утлыхъ своихъ суденышкахъ, безъ компаса, безъ морскихъ знаній, безъ запасовъ провіанта и одежды, въ холодное и бурное время года. Много невзгодъ натерпѣлся Дежневъ съ товарищами въ океанѣ. Леденящими вѣтрами гнало ихъ куда-то вдаль. Долго носились они по морю... Наконецъ выбросило ихъ на берегъ. Что же это за берегъ? „Носило меня", сообщалъ потомъ Дежневъ, „по морю послѣ покрова Богородицы всюду неволею и выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадыръ-рѣку". Вотъ какой берегъ—восточный берегъ Азіи, а Дежневъ отправился вдоль сѣвернаго берега: значитъ онъ обогнулъ, самъ того не подозрѣвая, сѣверо-восточную оконечностъ Азіи, открывъ проливъ, названный потомъ по имени болѣе счастливаго мореплавателя, раньше Беринга разрѣшилъ незаданную ему, Дежневу, географическую задачу о томъ, соединяется или нѣтъ Азія съ Америкой. Что же предприняли выброшенные бурей на берегъ Дежневъ и его спутники?

Пусть намъ разскажетъ объ этомъ самъ начальникъ экспедиціи. „Было насъ", говоритъ Дежневъ, — „на косѣ 25 человѣкъ и пошли мы всѣ въ гору, сами пути себѣ не знаемъ, холодны [1]) и голодны, наги и босы, и шелъ я бѣдный Семейка съ товарищами до Анадыра рѣки ровно 10

[1]) На сѣверо-востокѣ Сибири морозъ достигаетъ 65°: здѣсь самая холодная зима на земномъ шарѣ.

недѣль и попали на Анадыръ—рѣку внизу, близко моря". Здѣсь Дежневу и его спутникамъ пришлось тоже и голодать и холодать: „рыбы", говоритъ Дежневъ, „добыть не могли, лѣсу нѣтъ, а съ голоду мы бѣдные врознь разбѣжались. Осталось насъ отъ 25 человѣкъ всего 12 человѣкъ". Эта дюжина однако не потерялась. Дежневъ съ товарищами построили себѣ суда и на нихъ поплыли вверхъ по Анадыру и шли „до анаульскихъ людей, взяли два человѣка за боемъ и ясакъ съ нихъ взяли". Но до анаульскихъ людей оказались и другіе охотники. Таковъ другой Семенъ, по прозванію Мотора, отправившійся сюда изъ Якутска по своей и своихъ товарищей иниціативѣ и добравшійся до „захребетной рѣки" сухопутно. Съ нимъ Дежневъ началъ дѣйствовать сообща; но зато вступилъ въ конфликтъ съ третьимъ „землепроходцемъ" въ этихъ мѣстахъ, со Стадухинымъ, раньше Дежнева, въ 1644 году открывшимъ рѣку Колыму, шедшимъ за означенными двумя Семенами и вымогавшимъ ясакъ съ тѣхъ инородцевъ, которые заплатили его Дежневу. „Ты дѣлаещь негораздо", сказалъ однажды Дежневъ Стадухину, „побиваешь иноземцевъ безъ разбору". Но Стадухинъ былъ особаго на этотъ счетъ мнѣнія, и въ концѣ концовъ пострадать пришлось не только „иноземцамъ", но и Дежневу. Соболи, принесенные послѣднему „иноземцами", вызвали такой приливъ алчности въ Стадухинѣ, что онъ бросился на Дежнева, вырвалъ у него изъ рукъ богатую добычу, а самого его отхлесталъ по щекамъ. Такъ русскіе люди ссорились въ XVII стол. на дальнемъ сѣверо-востокѣ Азіи изъ за ясака, изъ за эксплуатаціи инородческаго труда и черезъ то ослабляли свои незначительныя количествомъ силы въ тѣхъ мѣстахъ... Разсказанное столкновеніе съ соотечественникомъ заставило Дежнева дѣйствовать совершенно отдѣльно отъ Стадухина. Въ 1652 году Дежневъ снова предпринялъ морское путешествіе на этотъ разъ изъ устья Анадыра, впадающаго въ Великій океанъ. Моржовый промыселъ увлекъ Дежнева съ товарищами до „Каменнаго

носа“ и до живущихъ на немъ чукчей; этихъ инородцевъ было, по сообщенію Дежнева, много, а „противъ носу“, прибавляетъ Дежневъ, „на островахъ живутъ люди, называютъ ихъ зубастыми, потому что пронимаютъ они сквозь губу по два зуба немалыхъ костяныхъ“.

Занимаясь на Андырѣ моржевымъ промысломъ, Дежневъ съ товарищами не пренебрегалъ охотой и на людей, на коряковъ. „Мы на нихъ ходили“, разсказываетъ этотъ піонеръ, „но нашли ихъ 14 юртъ въ крѣпкомъ острожкѣ. Богъ намъ помогъ, тѣхъ людей разгромили всѣхъ, женъ и дѣтей у нихъ взяли, но сами они ушли, а лучшіе мужики увели и женъ съ дѣтьми, потому что они люди многіе, юрты у нихъ большія, въ одной юртѣ у нихъ живетъ семей по десяти, а мы были люди невелики, всѣхъ насъ было двѣнадцать человѣкъ“. Такимъ ничтожнымъ количествомъ русскихъ „землепроходцевъ“, воителей и добычниковъ, конечно, нельзя было удержать край за „великимъ государемъ“, — и вотъ изъ Якутска посылается на Андыръ стрѣлецкій сотникъ нарочито для укрѣпленія здѣсь русской власти и для болѣе правильнаго регулированія, какъ промышленной дѣятельности русскихъ людей, такъ и ихъ отношенія къ интересамъ государевой казны. И здѣсь мы видимъ то же самое явленіе, какое было отмѣчено выше: за частными лицами, за охотниками—землепроходцами, число коихъ, разумѣется, сильно рѣдѣло въ тяжелыхъ странствіяхъ, въ богатырской борьбѣ съ суровой природой и туземцами, движется и государственная власть съ ея болѣе опредѣленными требованіями.

Однако тотъ порядокъ, аналогичный съ порядкомъ въ колоніяхъ другихъ народовъ, который водворялся въ „новыхъ землицахъ“, былъ, видимо, очень не по душѣ старымъ владѣльцамъ этихъ „землицъ“. Всюду возникали возстанія, и русскіе люди, вслѣдствіе малочисленности, съ трудомъ удерживались въ своихъ острожкахъ на Янѣ, Индигиркѣ, Андырѣ. Не мало хлопотъ вызвали отношенія къ инородцамъ, жившимъ по Охотскому прибрежью, куда русскіе

добрались почти въ то же время, какъ и до рѣки Анадыра. На Анадыръ, какъ извѣстно, попали два Семена—Дежневъ и Мотора; третій Семенъ, по прозванію Шелковниковъ, въ 1647 году прибылъ съ отрядомъ на р. Улью и изъ ея устья моремъ дошелъ до устья Охоты. Здѣсь пришлось биться съ большой толпой тунгусовъ и только послѣ побѣды надъ ними можно было поставить острогъ, но этотъ опорный пунктъ русскихъ на р. Охотѣ сейчасъ же и сдѣлался цѣлью постоянныхъ и настойчивыхъ тунгускихъ нападеній, которыя, несмотря на приходъ новаго русскаго отряда на помощь осажденнымъ, закончились взятіемъ острога. Тунгусы сожгли его, освободили заложниковъ и прогнали пришельцевъ, заявившихъ въ Якутскѣ, что „жить на Охотѣ отъ иноземцевъ не подъ силу“.

Тѣмъ не менѣе изъ Якутска двинулся новый отрядъ русскихъ, на Охотѣ возникъ новый русскій острожекъ; сверхъ того, русскіе взяли тунгускій острожекъ, и такимъ образомъ тунгусы на р. Охотѣ и въ окрестностяхъ ея были подведены „подъ высокую руку великаго государя“, каковое обстоятельство было закрѣплено взятіемъ, въ качествѣ заложника (аманата),—главнаго тунгускаго патріота, организовавшаго вооруженное сопротивленіе незваннымъ гостямъ. Однако борьба съ тунгусами не прекратилась. Въ 1665 г. организовано было возстаніе противъ русскихъ, и жертвою его были 50 человѣкъ служилыхъ и промышленныхъ людей, отправленныхъ начальникомъ острога Ѳедоромъ Пущинымъ къ неясачнымъ тунгусамъ для приведенія ихъ въ ясачное состояніе „не жесточью“, а миролюбиво. Посланные всѣ были перебиты ясачными тунгусами, предводительствуемыми лучшимъ человѣкомъ ихъ земли Зелемеемъ, который, раньше сообщивъ русскимъ объ агитаціи неясачныхъ среди нихъ и о вызванномъ этою агитаціей броженіи, этимъ самымъ и вовлекъ русскихъ въ хитро устроенную имъ ловушку. Какъ разсказываютъ, Зелемей преподалъ ясачнымъ соотечественникамъ слѣдующія основныя начала той политики, которой, по его мнѣнію, слѣдовало придерживаться по от-

ношенію къ русскимъ: „Что вы, глупые люди", говорилъ Зелемей, „не разумѣете, русскихъ переводовъ не знаете, вы бы такъ же жили, какъ я, Зелемей, живу; самимъ вамъ извѣстно, сколько я русскихъ людой побилъ, а какъ увижу надъ собой силу, то я русскимъ людямъ приклонюся, и до меня, въ вашихъ глазахъ, русскіе люди лучше прежняго. Да, русскіе люди насъ обманываютъ, говорятъ намъ и ждутъ къ себѣ въ охотскій острогъ на перемѣну по всѣ годы большихъ людей, и большихъ людей въ острогѣ не бывало; а пока большіе люди не пришли, мы и остальныхъ выкоренимъ и аманатовъ своихъ выручимъ, а потомъ въ то время какъ русскіе люди на Охоту приходятъ, на дорогахъ заляжемъ и большихъ людей не пропустимъ". По истребленіи русскихъ людей „на Охотѣ", Зелемей проектировалъ истребить ихъ на „Маѣ и по инымъ рѣкамъ", а въ перспективѣ его воображенію рисовалось китайское подданство, какъ менѣе обременительное для тунгусскаго народа; „а впредь", говорилъ онъ, „для обереженія и безопасности призовемъ къ себѣ китайскихъ людей, потому что они отъ насъ недалеко, ясакъ имъ станемъ платить небольшой, по своимъ долямъ; а не такъ, какъ теперь на насъ спрашиваютъ ясаковъ за прошлые годы, о которыхъ мы многія челобитныя великимъ государямъ писали, но льготы себѣ никакой не получили и указу о томъ никакого не было".

Лишь благодаря энергичнымъ распоряженіямъ Ѳедора Пущина, начавшееся тунгуское возстаніе не приняло большихъ размѣровъ... Тунгусы повинились предъ представителемъ русской власти въ своей измѣнѣ, при чемъ, впрочемъ, заявили, что они задумали „воровство" потому, что не могли вынести притѣсненій русскихъ служилыхъ людей.

Таковъ общій характеръ нашего движенія въ сѣверовосточной Азіи къ берегамъ Великаго океана и Охотскаго моря. Но не сюда только стремились русскіе люди въ XVII столѣтіи.

Еще съ начала 30-хъ годовъ открылось движеніе русскихъ и на югъ, въ землю Бурятъ, къ Байкалу. Буряты

стойко отстаивали свою родину и свободу, и борьба съ ними была продолжительна и упорна. Она направлялась изъ Якутска, Илимска, Красноярска и въ особенности изъ Енисейска. Въ землѣ Бурятъ строились остроги, которые иногда являлись довольно подвижными, переносились, въ зависимости отъ обстоятельствъ, съ одного мѣста на другое: таковы остроги—Братскій (1631 г., 1648), Верхоленскій или Верхоленскъ (1641 г., 1647), Верхангарскій (1647 г.), Балаганскій (1654 г.). Эти остроги были передовыми русскими форпостами, опорными пунктами русской власти въ краѣ; отсюда происходилъ сборъ ясака съ побѣжденныхъ, но и послѣдніе, при первомъ удобномъ случаѣ, нападали на пришельцевъ, стараясь выжить ихъ изъ своей земли, а остроги ихъ уничтожить. Возможность таковая иногда возникала: остроги разорялись туземцами, тѣмъ болѣе, что и самыя вторженія въ якутскую землю не всегда кончались побѣдоносно. Бывало, что вслѣдъ за удачнымъ налётомъ какого нибудь боярскаго сына, пришедшаго въ бурятскій „улусъ въ такое время, когда мущинъ не было дома“ и когда „подлинно не много труда стоило побрать въ плѣнъ“, счастье измѣняло воителю: такъ, напр., боярскій сынъ Бедаревъ, во второй походъ въ бурятскую землю, въ началѣ тоже удачный, попалъ въ бѣду и едва оттуда унесъ ноги со своими товарищами, когда Бурятъ—мужчинъ „собралось до тысячи“ противъ 136 человѣкъ частью казаковъ, частью промышленниковъ и когда туземцы преслѣдовали пришельцевъ „съ утра до самаго вечера“ (1646 г.). Но бывало и хуже: Буряты истребляли цѣлыя казацкія партіи, а построенные русскими остроги разоряли; тогда приходилось посылать новую партію, которая, беря верхъ надъ бурятами, ставила новый острогъ и такимъ образомъ возстановляла русское владычество въ краѣ.

Трудность удержанія за собой занятыхъ земель, помимо другихъ причинъ, зависѣла и отъ того, что наши отважные піонеры—землепроходы сами же и разрушали или, по крайней мѣрѣ, портили дѣло своихъ рукъ. Бѣда

заключалась въ томъ, что эти руки были слишкомъ неразборчивы и слишкомъ привыкли брать: ясакъ съ бурятъ требовался такъ, что не успѣютъ буряты заплатить одному атаману, какъ является другой и тоже желаетъ получить ясакъ все тому же „великому государю". Столь упрощенная система обиранія показалась бурятамъ обидной, и они, сначала было согласившись платить ясакъ московскому царю, затѣмъ отказались отъ нѣсколько обременительнаго подданства и выставили пришельцамъ вооруженное сопротивленіе. Негодованіе бурятъ на русское финансовое управленіе донеслось до насъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „что это?" поясняли возмутившіеся свой протестъ. „Отъ одного государя приходятъ къ намъ двойные люди? Одни изъ Верхоленска берутъ съ насъ ясакъ на государя, а другіе отъ того же государя приходятъ на насъ войною, бьютъ, женъ и дѣтей въ плѣнъ берутъ, скотъ и лошадей отгоняютъ: какъ же намъ подъ государевой рукой бытъ?" Вотъ въ чемъ заключалась главная причина частыхъ бурятскихъ возстаній противъ пришельцевъ, направлявшихся къ Байкалу. Первый, двинувшійся туда былъ казацкій пятидесятникъ Курбатъ-Ивановъ, отправленный изъ Якутска; вторая и послѣдующія экспедиціи снаряжались изъ Енисейска [1]). Сначала въ этомъ направленіи енисейскимъ воеводой Аѳанасіемъ Пашковымъ былъ посланъ атаманъ Василій Колесниковъ съ сотней казаковъ произвести развѣдки „про озеро Байкалъ и про серебряную руду".

Этотъ атаманъ явился ближайшимъ виновникомъ бурятскаго возстанія и продолжительной борьбы русскихъ съ этимъ народомъ.

Численное превосходство было на сторонѣ бурятъ, но у русскихъ было преимущество боевого закала и вооруженія, главнымъ образомъ, преимущество „огненнаго боя", благодаря которому буряты въ 1655 году были замирены и приведены въ подданство Москвы.

---

[1]) Сибирская исторія Фишера. С.-Петербургъ, 1775 г. 517 и 548 и слѣд.

Что же касается Колесникова, то лично ему борьба съ бурятами не помѣшала наложить ясакъ на тунгусовъ, жившихъ въ Байкальскомъ краѣ; этотъ „землепроходецъ“ вернулся въ Енисейскъ еще въ 1647 году и, разумѣется, аттестовалъ себя здѣсь не виновникомъ бурятскаго возстанія, подлежащаго еще подавленію, а удачливымъ развѣдчикомъ и покорителемъ Байкалья, піонеромъ, прекрасно исполнившимъ свою миссію; енисейскимъ воеводамъ Колесниковъ представилъ ясакъ съ байкальской земли—„мѣха цѣною на тысячу рублей“—и сдѣлалъ сообщеніе не объ одной серебряной, но и о золотой рудѣ.

Для развѣдокъ о первой Колесниковъ, по его сообщенію, посылалъ четырехъ казаковъ съ проводниками тунгусами, и этотъ небольшой отрядъ пробрался въ Монголію, гдѣ отъ одного князька и узналъ, что золотая и серебряная руда дѣйствительно есть и недалеко, но не у него, князя Турукая, а у богдыцаря въ Китаѣ; онъ же, Турукай, получаетъ золото и серебро оттуда, изъ Китая. Этотъ монгольскій князь Турукай, по донесенію Колесникова, обѣщался быть въ послушаніи у „великаго государя“ и послалъ ему „кусочекъ золота“ вѣсомъ въ четыре золотника, да „чашку и тарелку серебряные“. Золото и серебро, очевидно, было близко къ Турукаю, и вотъ въ Байкальскій край, вслѣдъ за атаманомъ Колесниковымъ, двигаются другіе „искатели“, боярскіе дѣти Иванъ Похабовъ, Иванъ Галкинъ, Петръ Бекетовъ, поощряемые этою новою перспективою найти въ новыхъ землицахъ не одни мѣха, но и серебро, и золото...

Постепенно занимая край, закладывая въ немъ острожки, между ними выдвинувшійся далеко впередъ Нерчинскій (1658 г.), русскіе закрѣпляютъ его за собой построеніемъ въ 1661 году Иркутска—„у Ангары, напротивъ устья рѣки Иркута“. Это дѣло связывается съ именемъ тоже прославившагося своими насиліями надъ бурятами и когда-то посаженнаго за это въ Енисейскѣ даже „подъ караулъ“—Ивана Похабова, затѣмъ опять употреблявшагося въ службы и

основаніемъ (по приказанію Енисейскаго воеводы Ивана Ржевскаго) Иркутскаго острога (закладка котораго долго не удавалась) искупившаго свои прежнія вины.

IV.

Еще болѣе заманчивымъ казался русскимъ сосѣдній съ Байкальскимъ Амурскій край. На сколько сильно было тяготѣніе русскихъ людей въ этотъ край,—видно и изъ того, что оно оставило слѣдъ въ народной поэзіи. Въ одной народной пѣснѣ изображается, какъ товарищи Стеньки Разина, похоронивъ своего атамана въ Дунаѣ-рѣкѣ,

„*На Амуръ пошли думу думати.*
У Амуръ-рѣки крута гора,
Крута гора, высокая:
На той горѣ распрощалися,
Другъ другу поклонилися".

Историческое движеніе на Амуръ началось еще въ 1643-емъ году изъ Якутска. Привлекаемый вѣстями о хлѣбныхъ и минеральныхъ богатствахъ Пріамурья, якутскій воевода Головинъ снарядилъ на югъ экспедицію въ 133 человѣка подъ начальствомъ письменнаго головы Пояркова. Экспедиція должна была отправиться на рѣку Зію и Шилку „для государева ясачнаго сбору, для пріиска вновь неясачныхъ людей, серебряной, мѣдной и свинцовой руды и для хлѣба".

По рѣкамъ Ленѣ и Алдану добралась экспедиція до волока въ Зію, которымъ перешла въ эту послѣднюю, а по ней въ Амуръ, принятый Поярковымъ за Шилку; проплывъ до устья Амура, Поярковъ со своими товарищами здѣсь зазимовалъ, а лѣтомъ направился обратно, въ Якутскъ, но уже другой дорогой: сначала моремъ до устья р. Ульи, потомъ этой рѣкой, затѣмъ волокомъ къ Маю и, наконецъ, отъ устья Маи вверхъ по Алдану и внизъ по Ленѣ до Якутска. Немного людей вернулось съ Поярковымъ въ Якутскъ; но за то этотъ „землепроходецъ" привезъ боль-

шой ясакъ соболями и еще болѣе обѣщаній будущихъ выгодъ отъ занятія русскими амурскаго края. Указавъ якутскимъ воеводамъ пункты, гдѣ, по его соображеніямъ, слѣдовало поставить острожки, т. е. укрѣпиться, Поярковъ объяснялъ: „тамъ въ походы ходить и пашенныхъ хлѣбныхъ сидячихъ людей подъ царскую высокую руку привесть можно, и въ вѣчномъ холопствѣ укрѣпить, и ясакъ съ нихъ собирать, въ томъ государю будетъ многая прибыль, потому что тѣ землицы людны, хлѣбны и собольны, и всякаго звѣря много и хлѣба родится много, и тѣ рѣки рыбны, и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ". Походъ Пояркова былъ очень труденъ для его дружины, потерявшей изъ своего состава 80 человѣкъ, причемъ только 25 человѣкъ было убито инородцами, а остальные погибли въ „хлѣбной" странѣ отъ голода; голодъ былъ крайне злой, и самъ начальникъ отряда Поярковъ, по разсказу участниковъ экспедиціи, сдѣлалъ со своей стороны все, чтобы довести ихъ до людоѣдства. Поярковъ, будто бы, „пограбилъ" у своихъ спутниковъ и подчиненныхъ „хлѣбные запасы, велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ инородцевъ, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голода померли, пріѣли человѣкъ съ пятьдесятъ", и т. под.

Экспедиція Пояркова не осталась безъ вліянія на послѣдующія событія. Несмотря на разсказы спутниковъ Пояркова объ ужасныхъ подробностяхъ экспедиціи, сообщенія самого ея предводителя о привольѣ амурскаго края [1]) возбудили аппетиты.

Въ 1649 году занимавшійся оптовою торговлею Ерофей Павловичъ Хабаровъ, родомъ изъ города Устюга, испросивъ разрѣшеніе, на свой счетъ и съ нѣкоторой правительственной субсидіей снарядилъ экспедицію изъ 70 человѣкъ, служилыхъ и просто промышленныхъ людей и двинулся на Амуръ изъ Якутска новымъ путемъ—рѣкою Олекмою, при-

[1]) Или „Пѣгой орды", какъ тогда русскіе называли этотъ край.

токомъ Лены и потомъ Тунгиромъ, притокомъ Олекмы, изъ Тунгира волокомъ въ рѣку Урку, притокъ Амура. Плывя внизъ по Амуру экспедиція прошла мимо двухъ городовъ, оставленныхъ жителями, и въ третьемъ городѣ, тоже пустомъ, остановились на отдыхъ. Здѣсь къ Хабарову явилось нѣсколько человѣкъ туземцевъ. Чрезъ толмача русскіе узнали, что это самъ мѣстный князь Лавкай съ тремя родственниками и холопомъ. Русскіе стали было увѣрять князя Лавкая въ томъ, что они пришли въ ихъ землю для торговли, а имъ, владѣтелямъ земли, привезли подарковъ много. Но князь Лавкай оказался человѣкомъ, уже извѣдавшимъ на опытѣ русскую торговлю въ этихъ мѣстахъ...

„Что ты обманываешь“?—отрѣзалъ онъ, „мы васъ, казаковъ, знаемъ; прежде васъ былъ у насъ казакъ Квашнинъ и сказалъ про васъ, что идетъ васъ пятьсотъ человѣкъ, а за вами идетъ еще много людей, хотите всѣхъ насъ побить и имѣніе наше пограбить, женъ и дѣтей въ полонъ взять; поэтому мы и разбѣжались“.

Дальнѣйшіе уговоры Лавкая давать ясакъ великому государю не привели ни къ чему, и амурскій князь, заявивъ „еще—посмотримъ, что за люди!“ удалился вмѣстѣ со своими спутниками, и болѣе экспедиція ихъ не видала. Она двинулась дальше по Амуру и видѣла еще два пустыхъ города, а затѣмъ вернулась назадъ къ первому городу. Оставивъ здѣсь часть своего отряда, Хабаровъ съ остальными своими людьми вернулся въ Якутскъ въ маѣ 1650 г., подтвердивъ прежніе разсказы о богатствахъ осмотрѣнной имъ страны: и рыбы въ великой рѣкѣ Амурѣ много, гораздо больше, чѣмъ въ Волгѣ, и хлѣба всякаго вдоволь и, вообще, Даурская земля куда лучше Лены, да и со всей Сибирью ту землю не сравнишь—„мѣсто будетъ украшено и прибыльно“; „если даурскіе князьки“, говорилъ Хабаровъ, „государю покорятся, прибыль будетъ большая“. Эти сообщенія Хабарова имѣли успѣхъ. Изъ 170 охотниковъ составился новый отрядъ для похода въ мѣста украшенныя и прибыльныя. Къ этому отряду якутскій воевода

присоединилъ еще 20 казаковъ, и вотъ въ 1650 году Хабаровъ съ такимъ, тоже ничтожнымъ, количествомъ людей и съ тремя пушками двинулся на Амуръ, въ Даурскую землю. На этотъ разъ Хабаровъ встрѣтилъ здѣсь упорное сопротивленіе не только отъ мѣстнаго населенія, но и со стороны китайцевъ, въ зависимости отъ которыхъ находился Амурскій край.

По занятіи русскими оставленнаго даурами городка Албазина, Хабаровъ потребовалъ отъ одного изъ мѣстныхъ князьковъ ясака великому государю, но получилъ отъ него весьма рѣзкій отказъ. „Даемъ мы", сказалъ князекъ, „ясакъ Богдойскому (т. е. китайскому) царю, а вамъ какой ясакъ у насъ? Хотите ясака, что мы бросаемъ послѣднимъ своимъ ребятамъ?"

Началась борьба. Городокъ, въ которомъ засѣлъ этотъ смѣлый князь, послѣ отчаяннаго сопротивленія былъ взятъ русскими штурмомъ, причемъ дауровъ было убито болѣе 600 человѣкъ, а русскихъ пало четверо, да 45 человѣкъ было ранено. „Тѣ свирѣпые дауры", говоритъ Хабаровъ, „не могли стоять противъ государевой грозы и нашего бою". Но затѣмъ русскимъ пришлось и самимъ выдержать серьезную осаду въ Анчанскомъ городкѣ, построенномъ ими для зимовки. Сначала этотъ городокъ осадили мѣстные инородцы-дучары и анчанцы. Съ ними осажденные справились довольно быстро: приступы ихъ были отбиты. Это было однако лишь началомъ испытаній. Въ 1652 году на защиту амурскаго края отъ пришельцевъ явилось китайское войско, посланное изъ Манчжуріи намѣстникомъ этой области Небесной Имперіи. Если русскимъ сравнительно легко было справляться съ туземцами, не имѣвшими огнестрѣльнаго оружія, то съ манчжурами предстояло гораздо болѣе трудное дѣло: у нихъ были ружья и пушки. 24 марта на утренней зарѣ начался страшный и неравный бой горсти русскихъ людей съ подавляющей „богдойской силой". Объ этомъ боѣ намъ сообщаетъ самъ Хабаровъ языкомъ поэтическаго сказанія. Повидимому, р[illegible]е крѣпко спали на зарѣ и были

застигнуты врасплохъ. Казачій есаулъ Андрей Ивановъ закричалъ въ городъ: „братцы, казаки, ставайте наскорѣ и облокайтесь въ куяки крѣпкіе“! Казаки въ однихъ рубашкакъ бросились на городскую стѣну, но въ этотъ моментъ по городу началась пальба изъ ружей и пушекъ; казаки отвѣтили тѣмъ же и „дрались изъ за стѣны отъ зари до схода солнца“. Штурмуя городокъ, китайцы пробили въ стѣнѣ брешь: „сверху до низу“, сообщаетъ Хабаровъ, „богдайскіе люди вырубили три звена стѣны“.

Только слышатъ казаки, что предводитель китайскаго войска приказалъ брать казаковъ „живьемъ“, и сейчасъ же рѣшаютъ живыми китайцамъ не сдаваться. И казаки, и служилые, и вольные люди облеклись въ куяки, помолились Спасу, Пречистой Богородицѣ и Николаю угоднику, простились другъ съ другомъ, причемъ всѣ—и начальникъ отряда Хабаровъ, и есаулъ Андрей Ивановъ, и всѣ казаки—говорили другъ другу: „умремъ мы, братцы казаки, за вѣру крещеную, и постоимъ за домъ Спаса и Пречистой и Николы Чудотворца, и порадѣемъ мы казаки государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руссіи и помремъ мы, казаки, всѣ за одинъ человѣкъ противъ государева недруга, а живы мы, въ руки имъ, богдайскимъ людямъ, не дадимся“. Китайцы кинулись на приступъ, стремясь чрезъ брешь въ стѣнѣ проникнуть въ городъ, но русскіе успѣли въ проломѣ поставить большую мѣдную пушку и ударить изъ нея въ густыя наступающія толпы; вмѣстѣ съ тѣмъ энергично начали стрѣлять по китайцамъ изъ остальныхъ пушекъ, да и ружей. Много полегло тутъ манчжуровъ. Не выдержавъ сильнаго огня русскихъ, они дрогнули и бросились назадъ,—„отметнулись отъ пролома прочь“, но имъ русскіе не дали опомниться отъ неудачи штурма. „Служилые люди и охочіе вольные казаки“ въ количествѣ 150, въ куякахъ (50 человѣкъ было оставлено въ городкѣ), сдѣлавъ вылазку, пошли въ рукопашную, отбили у врага двѣ пушки и, положивъ многихъ манчжуровъ на мѣстѣ, остальныхъ обратили въ бѣгство: „и нападе на нихъ“, разсказываетъ Ха-

баровъ, „страхъ великій, покажись имъ сила наша несчетная и всѣ достальные богдаевы люди изъ города и изъ нашего бою побѣжали врознь“. Побѣдителямъ достались и ружья, коими были вооружены лучшіе, погибшіе въ рѣзнѣ, ратники китайскаго войска. Послѣ битвы русскіе стали „смекать, что побито“. Насчитали 676 манчжурскихъ труповъ и 10 своихъ, переранено русскихъ было 78 человѣкъ.

Несмотря однако на эту побѣду, Хабаровъ не нашелъ возможнымъ, при столь незначительномъ количествѣ отряда, удержаться въ краѣ и, оставивъ Анчанскій городокъ, двинулся на судахъ вверхъ по Амуру.

Встрѣченное Хабаровымъ подкрѣпленіе въ видѣ небольшого казацкаго отряда, посланное изъ Якутска, было недостаточно, чтобы повернуть назадъ для новой попытки утвердиться въ покинутыхъ мѣстахъ. Сверхъ того, началось разногласіе въ самой хабаровской дружинѣ. Въ устьѣ рѣки Зіи Хабаровъ предложилъ своему войску вопросъ: гдѣ бы городъ поставить? Большинство отвѣтило: „гдѣ будетъ годно и гдѣ бы государю прибыль учинить, тутъ и городъ станемъ дѣлать“.

Но часть казаковъ, свыше 100 человѣкъ, рѣшила лучше похлопотать не о государевыхъ, а о своихъ выгодахъ; они отказались повиноваться Хабарову, овладѣли тремя судами съ государевой казной, т. е. собраннымъ ясакомъ, пушками, свинцомъ, порохомъ и куяками, и двинулись внизъ по Амуру, предварительно освободившись отъ лишняго груза; при этомъ одну пушку бросили на берегъ, другую въ воду, часть казны и боевыхъ припасовъ покидали въ воду же. Цѣль ихъ отдѣльныхъ операцій была чисто разбойничья: добыть побольше себѣ зипуновъ и пожитковъ.

Прибрежнымъ инородцамъ отъ этой шайки пришлось, конечно, плохо; но вмѣстѣ съ тѣмъ она совершенно дискретировала русскую власть въ краѣ. Послѣ подвиговъ этой шайки, къ Хабарову, простоявшему въ устьѣ Зіи 6 мѣсяцевъ, не шли даже тѣ инородцы, заложники коихъ находились въ его отрядѣ: „вы все обманываете“, говорили

инородцы, приглашаемые Хабаровымъ въ русскій станъ, „и теперь ваши люди поплыли внизъ и нашу землю грабятъ“. Хабарову ничего не оставалось, какъ увѣдомить якутскихъ воеводъ о „воровствѣ“, происшедшемъ въ его войскѣ и значительно его ослабившемъ, а также и о невозможности удержать землю съ тѣмъ количествомъ его отряда, которое у него осталось: у него было всего 212 человѣкъ. „Воры“, доносилъ Хабаровъ, „государевой службы поруху учинили, иновѣрцевъ отогнали и землю смяли“. Но и сойти съ Амура безъ дальнѣйшихъ распоряженій свыше Хабаровъ не рѣшался и ждалъ отвѣта на свои донесенія. Лишь въ слѣдующемъ, 1654 году, прибылъ на Амуръ дворянинъ Зиновьевъ и привезъ Хабарову и его дружинѣ государево денежное жалованье. Хабаровъ поблагодарилъ за золотые ясакомъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Зиновьевымъ уѣхалъ въ Москву. Хабаровскій отрядъ былъ оставленъ на Амурѣ.

Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ Онуфрій Степановъ, объявленный „приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура новой даурской земли“. Ясно, что московское правительство было склонно считать занятый „землепроходцами“ амурскій край своею собственной территоріей. Но, къ сожалѣнію, это отношеніе русской власти къ Дауріи встрѣтилось съ такимъ же отношеніемъ къ ней со стороны китайской власти, издавна считавшей Поамурье своей землей. И вотъ снова начинаестя неравная и упорная борьба горсти русскихъ храбрецовъ съ многочисленными китайскими ратями. Положеніе Степанова осложнялось еще необычайною трудностью добывать хлѣбъ для своей дружины. Тамъ, гдѣ стоялъ Степановъ, не было хлѣба, да не было и удобнаго мѣста для зимовки, ибо въ верхнемъ теченіи Амура не было лѣса. Хлѣбъ нашли на притокѣ Амура Шингалѣ (Сунгари), а зимовали еще ниже на Амурѣ, въ землѣ дучаровъ, съ коихъ не преминули собрать и ясакъ.

Прошла зима. Лѣтомъ снова отправились за хлѣбомъ на Шингалъ, но были встрѣчены цѣлымъ флотомъ китайскихъ

руговъ, который загородилъ русскимъ дорогу. Произошелъ бой. Начало его было удачно для Степанова. Хотя со руговъ палили изъ пушекъ, непріятель съ нихъ былъ выбитъ на берегъ. Но на берегу китайцы укрѣпились, и попытки русскихъ взять ихъ позицію приступомъ кончились полной неудачей. Отряду Степанова пришлось безъ хлѣба двинуться вверхъ по Амуру. На этотъ разъ русскіе остановились и построили острожекъ въ устьѣ рѣки Комары. Но и здѣсь китайцы не оставили ихъ въ покоѣ. 13 марта 1655 года 10,000 китайскаго войска осадило русскій острожекъ, а 24-го того же мѣсяца, пошло на штурмъ со всевозможными „приступными мудростями" (съ деревянными, обитыми кожей, щитами, лѣстницами, желѣзными баграми). Русскіе не только отбили приступъ, но и захватили „приступныя мудрости"; столь же безуспѣшна была и бомбардирока острожка изъ пушекъ, производившаяся и днемъ, и ночью—до 4-го апрѣля, когда, наконецъ, китайцы сняли осаду и удалились ни съ чѣмъ. Русскіе завоевали себѣ хлѣбъ. Путь внизъ по Амуру и на Шингалъ былъ открытъ и туда снова возникло движеніе русскихъ, но... скоро оно оказалось безцѣльнымъ. Богдыханъ свелъ все населеніе съ Амура и Шингала. Степановъ, спустившись къ хлѣбнымъ мѣстамъ, нашелъ здѣсь... пустыню: здѣсь не было уже людей, не было и хлѣба.

Положеніе Степанова съ товарищами сдѣлалось крайне тяжелымъ: землепроходцы „оголодали и оскудали, питались травою и кореньями и ждали... государева указа". Такимъ образомъ, переспектива столь заманчивая для Москвы,— пожинать тамъ, гдѣ она не сѣяла, воспользовавшись трудами преимущественно „охочихъ людей", стала заволакиваться темными тучами... Надо было подумать о мирномъ договорѣ съ китайцами. Въ Пекинъ былъ отправленъ изъ Тобольска боярскій сынъ Байковъ съ грамотой и съ подарками богдыхану, но изъ этой попытки задобрить китайское правительство ничего не вышло, и борьба продолжалась. Теперь она сдѣлалась роковой для Степанова съ товарищами. Въ 1658 году ниже Шингала на Амурѣ отрядъ

Степанова былъ разбитъ китайцами на голову, и въ бою погибли самъ предводитель и 270 его сподвижниковъ казаковъ; 227 челов. изъ его отряда спаслись, но не спасли государевой соболиной казны, попавшей китайцамъ въ качествѣ военнаго трофея.

Такъ стремленіе русскихъ утвердиться на лучшихъ мѣстахъ Амура, т. е. на среднемъ, а тѣмъ болѣе на нижнемъ теченіи этой рѣки не увѣнчалось успѣхомъ. Въ рукахъ русскихъ осталось лишь верхнее ея теченіе съ городомъ Албазинымъ, раньше покинутымъ русскими (когда еще можно было надѣяться на захватъ лучшихъ „землицъ"), а потомъ снова занятымъ (когда надежда на лучшія пріобрѣтенія сильно потускнѣла отъ дыма китайскихъ пушекъ). Изъ Албазина теперь и приходилось искать ясака на инородцахъ и вѣдаться съ китайцами.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича былъ отправленъ новый посолъ къ богдыхану, именно переводчикъ посольскаго приказа грекъ Николай Гавриловичъ Спафарій; но такъ же, какъ и Байковъ, встрѣтившись съ непреодолимостью китайскаго этикета, этотъ посолъ болѣе разсуждалъ о способахъ сношенія съ богдыханомъ, чѣмъ о дѣлѣ, и не достигъ ничего утѣшительнаго для московскаго правительства. Естественно, что московскій служилый иноземецъ остался недоволенъ китайцами и въ Москвѣ выдалъ имъ суровую аттестацію. „Въ торгу", разсказывалъ Спафарій, „такихъ лукавыхъ людей на всемъ свѣтѣ нѣтъ и нигдѣ не найдемъ такихъ воровъ: если не поберечься, то и пуговицы отъ платья обрѣжутъ".

Борьба продолжалась.

Утвердившись въ Албазинѣ, русскіе начали строить новые городки по Амуру, продолжая заниматься и промыслами, и „примучиваньемъ" инородцевъ въ этихъ мѣстахъ. Китайцы протестовали. Толбузину была послана нота съ требованіемъ не ходить внизъ по Амуру: „пусть", говорилось здѣсь, „русскіе промышляютъ соболей и другихъ звѣрей въ своихъ мѣстахъ около Нерчинска". Эта нота успѣха

не имѣла, а значительное китайское войско, отправленное послѣ того, имѣло крупный успѣхъ. Албазинъ былъ взятъ китайцами, при чемъ Толбузинъ съ товарищами былъ отпущенъ домой по особому договору, а самый городъ былъ уничтоженъ. Прогнавъ русскихъ съ Амура, китайцы быстро удалились, не снявъ даже русскаго хлѣба подъ Албазинымъ. Но отъ русскихъ „землепроходцевъ" нельзя было такъ скоро отдѣлаться.

Нерчинскій воевода Власовъ послалъ подъ Албазинъ того же Толбузина съ его казаками снять хлѣбъ, да кстати поставить новый острогъ или городъ въ удобномъ мѣстѣ на Амурѣ, еще пониже прежняго Албазина, „чтобъ непріятелю было не въ уступку". Толбузинъ выполнилъ оба порученія, но только не сталъ строить новаго города, а просто возстановилъ Албазинъ. Это, вѣдь, тоже было „не въ уступку непріятелю".

Едва русскіе успѣли въ іюнѣ 1686 года докончить построеніе Албазина, какъ въ іюлѣ того же года подъ него снова пришло китайское пятитысячное войско съ 40 пушками и начало бомбардировку гарода, гарнизонъ котораго не превышалъ 1000 человѣкъ.

Воевода Толбузинъ палъ, смертельно раненый ядромъ, и городъ Албазинъ, вѣроятно, постигла бы прежняя участь, а молодцовъ-защитниковъ еще худшая, если бы китайцы не узнали, что противъ нихъ идетъ русское войско, посланное на китайскую границу изъ Москвы подъ начальствомъ окольничаго Головина. Послѣднему было поручено явиться предъ китайцами и въ качествѣ великаго посла отъ московскаго государя для заключенія мира съ Богдыханомъ. Получивъ извѣстіе о приближеніи Головина, повелитель Небесной Имперіи приказалъ китайскому войску снять осаду Албазина...

Въ августѣ 1689 года подъ Нерчинскомъ начались мирные переговоры между Головинымъ и китайскими великими послами, двое изъ которыхъ оказались замаскированными по—китайски отцами іезуитами, состоявшими на

службѣ у богдыхана. Долго препирались стороны изъ за границы. Головину было разрѣшено сдѣлать большія уступки, „лишь войны и кровопролитія не начинать, кромѣ самой явной отъ нихъ недружбы и наглаго наступленія“, но все таки было приказано прежде всего настаивать на томъ, чтобы границею между Россіею и Китаемъ „была написана рѣка Амуръ“. Китайцы отнюдь на это не соглашались, говоря, что русскіе по рѣку Амуръ никогда не владѣли, что здѣсь, на Амурѣ, китайская земля, куда, де пришли русскіе казаки Хабаровъ съ товарищами, построили Албазинъ и много дѣлали китайскимъ ясачнымъ людямъ нестерпимаго насилія, а между тѣмъ рѣка Амуръ находится во владѣніи Богдыхана отъ самыхъ временъ Александра Македонскаго. Головинъ забраковалъ ссылку на Александра Македонскаго, ибо, по его мнѣнію, „объ этомъ хрониками разыскивать долго“, онъ, Головинъ, одно хорошо знаетъ, что послѣ Александра Македонскаго „многія земли раздѣлились подъ державы многихъ государствъ.“ Китайскіе уполномоченные, видя, что ссылка на Александра Македонскаго не понравилась русскому послу, на ней болѣе не настаивали, но зато упрямо стояли на томъ, что границею между Россіею и Китаемъ долженъ быть Байкалъ. Въ концѣ концовъ китайцы кое-что уступили, а Головинъ былъ принужденъ уступить много, ибо у китайцевъ, грозившихъ войной, нашлись союзники въ лицѣ Якутовъ и Онкотовъ, измѣнившихъ московскому царю и перешедшихъ на сторону богдыхана. Боясь, какъ бы не измѣнили и Тунгусы, Головинъ согласился признать границею рѣку Аргунь, между Нерчинскимъ краемъ и китайскими владѣніями, и р. Горбицу, впадающую въ Шилку, а городъ Албазинъ разорить; это и было постановлено, причемъ на востокъ отъ верховьевъ Горбицы граница была опредѣлена „каменными горами“, Яблоновымъ хребтомъ—до моря, немного южнѣе рѣки Уди. Такъ печально завершилась сдѣланная русскими въ XVII стол. попытка утвердиться, ради промысловъ и ясака, въ пріамурскомъ краѣ, попытка, начатая промышленно-казац-

кими дружинами, но продолженная и московскимъ правительствомъ. Изобильная и столь желанная „землепроходцамъ“ и Москвѣ „Даурская земля“ въ исходѣ XVII стол. оказалась отгороженной отъ Россіи „каменными горами“. Но „мѣсто украшено и прибыльно,“ какъ аттестовалъ Поамурье Хабаровъ, было слишкомъ заманчиво, слишкомъ представлялось обѣтованной страной искателямъ „новыхъ землицъ“ и эксплоатаціи инородческаго труда, чтобы они, а за ними и Россія, могли отказаться отъ него навсегда.

V.

Предъидущее изложеніе, кажется, достаточно, чтобы уяснить себѣ общій характеръ тѣхъ большею частью вольныхъ экспедицій, результатомъ которыхъ были географическія открытія и пріобрѣтенія въ Восточной Сибири. Длинный рядъ этихъ экспедицій (изъ коихъ были указаны только важнѣйшія) завершился въ XVII стол. тѣмъ, что въ 1696—97 гг. казакъ Владиміръ Атласовъ открылъ и завоевалъ Камчатку, на которую много раньше судьба забросила товарища Дежнева по его сѣверо-восточному путешествію—казака Алексѣева, здѣсь погибшаго: теперь Атласовъ закрѣпилъ за русскою властью Камчатку построеніемъ въ ней острога на р. Камчаткѣ.

Всѣми этими экспедиціями, начиная съ сибирскаго похода Ермака Тимоѳеевича, продолжая многочисленными походами въ теченіе всего XVII стол. и кончая только что отмѣченнымъ походомъ казака Атласова въ Камчатку, были очерчены границы сибирскихъ владѣній московскаго царя.

Мы видѣли, что эти предпріятія противъ сибирскихъ народовъ, вчиняемыхъ по частной инициативѣ, затѣмъ, за малочисленностью „землепроходцевъ“, связывались съ интересами „великаго государя“, на имя котораго и укрѣплялись занятыя земли... Если интересы этого государя хорошо понимали „охочіе люди“, то самъ онъ понималъ ихъ еще лучше, почему не только не отказывалъ „землепроходцамъ“ въ принятіи новыхъ сибирскихъ земель подъ свою „высо-

кую руку“, но и, какъ было видно изъ предшествующаго разсказа, сейчасъ же входилъ во вкусъ обладанія этими землями и начиналъ считать ихъ своею собственностью даже тогда, когда сразу было ясно, что онъ не имѣетъ возможности удержать ихъ за собой. Китайцы разъяснили московскому правительству [1]) его ошибочный, съ ихъ точки зрѣнія, взглядъ на Поамурье; но на всей остальной сибирской территоріи не нашлось народа, который былъ бы въ состояніи выставить усиленное сопротивленіе поземельнымъ захватамъ пришельцевъ, и такимъ образомъ, къ началу XVIII стол. гигантская страна, сравнительно съ которой московское государство было незначительной территоріальной величиной, оказалась подъ верховною властью Москвы. Сибирь становится московской колоніей, и это новое ея положеніе опредѣляетъ въ ней цѣлый рядъ новыхъ отношеній. Въ Сибири появляется чуждая ея народамъ государственная власть, предъявляющая имъ свои требованія, на которыя эти народы такъ или иначе начинаютъ реагировать; въ Сибири появляется пришлое, другой расы, населеніе, другой вѣры, другихъ устоевъ и обычаевъ, имѣвшее за собой совершенно иную исторію, чѣмъ то прозябаніе въ родовомъ бытѣ, въ которомъ застаетъ сибирскихъ народцевъ приходъ въ ихъ земли русскихъ, какъ по своей, такъ и по государевой волѣ. Въ жизнь сибирскихъ инородцевъ входитъ и, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже, цѣлый новый міръ понятій, идей, привычекъ, пріемовъ, и въ ихъ странѣ, рядомъ съ ними возникаетъ новая жизнь, жизнь пришельцевъ, постепенно все крѣпче и крѣпче прилегавшихъ къ чужой землѣ, становившейся имъ родной, и все болѣе и болѣе превращающихъ исторію Сибири въ свою исторію, въ исторію русской, все болѣе и болѣе разроставшейся, колоніи.

Такимъ образомъ, дабы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о существенныхъ явленіяхъ сибирской исто-

---

[1]) Нерчинскимъ трактатомъ 1689 г.

ріи, намъ послѣдовательно предстоитъ изучить рядъ вопросовъ, охватывающихъ сибирскія отношенія въ трехъ вѣкахъ сибирской исторіи, XVII, XVIII и XIX-мъ, а именно: 1) вопросъ о русской государственной власти и ея представителяхъ въ Сибири и объ отношеніи къ установившейся зависимости отъ Москвы со стороны сибирскихъ инородцевъ; 2) вопросъ о разныхъ элементахъ пришлаго населенія въ Сибири, объ отношеніяхъ между ними и инородцами; 3) вопросъ о ссылкѣ; 4) о промышленности и торговлѣ и 5) о культурныхъ теченіяхъ въ Сибири.

Обращаясь къ первому изъ поставленныхъ вопросовъ, мы прежде всего должны подчеркнуть тотъ, упомянутый уже нами фактъ, что главнѣйшій интересъ московской государственной власти, который она усматривала для себя въ Сибири, выражался въ дани съ сибирскихъ инородцевъ или въ ясакѣ, какъ называлась инородческая дань. Сибирскій ясакъ былъ очень цѣнный: онъ представлялъ богатѣйшій въ мірѣ подборъ мѣховъ соболя, лисицы, бобра, песца, бѣлаго и голубого, куницы, горностая, рыси... Особенно цѣнился мѣхъ чернобурой лисицы, стоимость коего достигала нѣсколькихъ сотъ рублей [1]). Единицей измѣренія цѣнности всѣхъ сибирскихъ мѣховъ былъ собсль, представлявшій, какъ бы, натуральныя сибирскія деньги. Какія бы мѣха не представилъ ясачникъ въ качествѣ подати, стоимость ихъ переводилась на стоимость того или другого количества соболей; ибо для податного ясака былъ установленъ соболиный „окладъ", размѣры котораго бывали неодинаковы, въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, но который, въ общемъ, придерживался нормы 10 соболей съ женатаго и 5 съ холостого. Такъ, напр., если какой-нибудь инородческій „князецъ", при положенномъ на него „окладѣ" въ 11 соболей, представлялъ всего 7 соболей и 2 красныхъ бобра, то онъ удовлетворялъ своему „окладу", ибо 2 красныхъ бобра, какъ болѣе цѣнные мѣха, зачита-

[1]) Оглоблинъ. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа, ч. I, стр 93

лись „ясашному“ за 4 соболя; съ другого „ясашнаго“ человѣка при томъ же „окладѣ“, взяли 5 соболей и чернобурую лисицу „безъ хвоста и лапъ“ за 6 соболей, а съ третьяго одну чернобурую лисицу только „безъ переднихъ лапъ“ за всѣ 11 соболей „оклада“ [1]). Но податнымъ ясакомъ не исчерпывались поборы, которые требовались отъ сибирскихъ инородцевъ государственною властью. Сверхъ соболинаго „оклада“, устанавливался еще „десятинный сборъ“, т.-е. брали 10-го звѣря съ добычи, какова бы она ни была, и еще такъ называемый „поминокъ“, т.-е. подарокъ царю и наслѣднику престола, бывшій однако вполнѣ обязательнымъ для ясачника и потому имѣвшій значеніе настоящаго налога, тѣмъ болѣе обременительнаго, что онъ былъ неопредѣлененъ, такъ какъ количество его, какъ говоритъ авторъ „Историческаго Обозрѣчія Сибири“ Словцовъ, „опредѣлялось доброю волею и усердіемъ приносителя“. Дальше мы увидимъ, какова была эта „добрая воля“... Теперь же отмѣтимъ приблизительные доходы казны отъ Сибири, изъ которыхъ главнѣйшимъ были ясачныя поступленія, усилившіяся въ періодъ пріобрѣтенія новыхъ земель въ Восточной Сибири.

Сибирью, которая вначалѣ вѣдалась въ Посольскомъ приказѣ, съ царствованія Михаила Ѳедоровича управлялъ Сибирскій приказъ, сначала, какъ отдѣленіе Казанскаго и Мещерскаго дворцовъ, а съ 1637 г. самостоятельно, и доходы Сибирскаго приказа въ XVII стол., на основаніи оффиціальныхъ документовъ, въ среднемъ опредѣляются суммой около 150,000 р. [1]); но Котошихину, хотя онъ и не рѣшается утверждать, что точно запомнилъ, вспоминается другая, гораздо большая, цыфра: „чаятъ“, говоритъ онъ, „тоѣ казны приходу въ годъ больши шти сотъ (600,000) тысячъ рублевъ“. П. Н. Милюковъ считаетъ это осторожное показаніе невѣрнымъ, ибо оно не совпадаетъ съ цифрами приказныхъ документовъ; но это категорично-отрицательное

---

[1]) Тамъ же, 93 стр.

[2]) Милюковъ, Государственное хозяйство и реформа Петра Великаго, стран. 153.

замѣчаніе по адресу котошихинскаго свидѣтельства само еще нуждается въ провѣркѣ: полны ли тѣ „смѣтные списки“, которые послужили почтенному изслѣдователю цыфровымъ матеріаломъ для его вычисленія? Едва ли такой дѣловой и знающій человѣкъ, какимъ былъ бывшій подъячій Посольскаго приказа, такъ на много могъ ошибиться, какъ это выходитъ, если принять приводимыя г. Милюковымъ канцелярскія данныя. Во всякомъ случаѣ, то, что давали сибирскіе инородцы московскому царю, для нихъ было не легкимъ бременемъ, не смотря на зоологическія богатства ихъ дѣвственныхъ земель... На пріобрѣтеніе всѣхъ этихъ соболей, куницъ, лисицъ, бобровъ, барсовъ и др., которые, подъ названіемъ царской казны присылались въ Москву „ежегодь“, затрачивался немалый и нерѣдко опасный трудъ охотника-звѣролова, вслѣдствіе чего, при значительности податныхъ окладовъ и „доброхотныхъ“ даяній съ одной стороны и сравнительной малочисленности сибирскихъ инородцевъ съ другой, большая доля этого труда оказалась въ крѣпостной зависимости у московскаго государя; а это ли не тяжелое бремя для народцевъ, бывшихъ или совершенно свободными, или состоявшихъ въ необременительной зависимости отъ манчжурскихъ и китайскихъ владѣтелей?

Тяжесть этого бремени сильно увеличивалась отъ характера отношенія къ инородческому населенію Сибири со стороны посылавшихся сюда Москвой представителей государственной власти. Это были воеводы, типическій образъ котораго очень хорошо извѣстенъ.

Въ Сибири типическія черты воеводы, грабителя и насильника, обозначились еще рѣзче, ибо въ такой дали воеводы чувствовали себя совершенно самовластцами, тѣмъ болѣе, что въ первое время ихъ права и обязанности точно не опредѣлялись, и они получали полномочіе „дѣлать всякія дѣла по своему высмотру и какъ Богъ на душу положитъ“. [1])

[1]) Буцинскій. Начало заселенія Сибири и [illegible] ея первыхъ насельниковъ, стран. 235.

Сначала, до 1629 г., въ духѣ этой широкой программы, Сибирью управлялъ тобольскій воевода, а другіе, въ томъ числѣ и томскій, были у него въ подчиненіи; подчиненіе городовыхъ воеводъ областному выражалось, между прочимъ, въ томъ, что послѣдніе не имѣли права безъ согласія перваго двигать противъ непріятеля ратныхъ людей даже въ томъ случаѣ, если непріятель вторгся въ предѣлы ихъ уѣздовъ. Съ 1629 г. томскій воевода получилъ тоже самостоятельное значеніе, и Сибирь стала вѣдаться двумя разрядами Тобольскимъ и Томскимъ. Подъ управленіемъ перваго остались города Верхотурье, Пелымь, Туринскъ, Тюмень, Тара, Сургутъ, Березовъ и Мангазея съ острожниками и зимовьями, а подъ управленіе Томскаго разряда были поставлены Нарымъ, Кетскъ, Енисейскъ, Красноярскъ и Кузнецкъ тоже съ острогами и зимовьями.

Эти главныя областныя управленія Сибирью имѣли по 2 воеводы, главнаго и товарища, а также дьяковъ и письменныхъ головъ; но эти управленія, которымъ были подчинены перечисленные города, не исключали, разумѣется, въ послѣднихъ воеводско-приказнаго же управленія,—и въ нихъ была администрація, аналогичная администраціи областныхъ центровъ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія владѣній въ Восточной Сибири, къ этимъ центрамъ прибавлялись новыя: въ 1638 году было учреждено самостоятельное воеводство въ Якутскѣ, въ вѣдѣнье котораго поступаютъ обширныя пространства въ Восточной Сибири и въ зависимость отъ котораго было поставлено учрежденное въ 1649 году Илимское воеводство.

Главнѣйшею обязанностью воеводы являлся сборъ ясака, и въ сферѣ этого сбора открывался особенно широкій просторъ руководствоваться „своимъ высмотромъ“, дѣйствовать, „какъ Богъ на душу положитъ“. Правда, московское правительство неоднократно напоминало воеводамъ: „брать ясакъ, смотря по людямъ и по промысламъ, сколько можно“; но, при тѣхъ полномочіяхъ, какими обладали воеводы, они, по справедливому замѣчанію одного изслѣ-

дователя, это благоразумное правило читали нѣсколько иначе: „бери какъ можно больше“ [1]). Это видно изъ многочисленныхъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей, ихъ помощниковъ. Само правительство признавало эти злоупотребленія, когда говорило, напр., слѣдующее: „прежъ сего имъ (ясачнымъ людямъ) въ Тарскомъ городкѣ отъ воеводъ отъ головъ и отъ приказныхъ людей, отъ боярскихъ дѣтей, отъ казаковъ, отъ стрѣльцовъ и отъ ихъ братіи новокрещенныхъ... было небреженіе, налоги и продажи великіе... брали съ нихъ ясакъ съ прибавкою, не по государеву указу, и тѣмъ сами корыстовались, а воеводы того не берегли и суда прямово не давали и сами воеводы дѣлали имъ продажи и убытки, брали поминки и посулы“...

Не смотря на всевозможныя таможенныя мѣры, клонившіяся къ тому, чтобы предотвратить возможность воеводамъ вывозить изъ Сибири награбленные тамъ мѣха и деньги, они успѣшно вывозили и то, и—тѣмъ болѣе—другое; „высматривали“ воеводы въ Сибири многое, но все такое, что принося извѣстную выгоду „государю“, приносило и имъ аналогичную выгоду, и это, разумѣется вытекало, главнымъ образомъ, изъ самой природы воеводско-приказнаго управленія, поставленнаго къ тому же въ Сибири въ исключительно благопріятныя для того условія; также, какъ воеводы, путемъ того же „высмотра“, дѣйствовали и ихъ товарищи и другіе служилые люди: и они въ Сибири наживались на счетъ ясачнаго населенія, вывозя оттуда и драгоцѣнныя мѣха, и деньги. Администрація прибѣгала ко всякимъ способамъ насилія надъ ясачными людьми съ цѣлью наживы.—Такъ, напр., енисейскій воевода посылалъ къ инородцамъ торговаго человѣка со своимъ товаромъ; эти товары отдавались, „сильно наметывались“ ясачнымъ людямъ и за нихъ „сильно“ же бралась мягкая рухлядь, дорогіе мѣха за безцѣнокъ, но лишь бы стяжаніе имѣло хотя бы нѣкоторое подобіе законныхъ актовъ купли—продажи.

[1]) Н. [illegible]ъ. П[illegible]. Инородцевъ въ Московскомъ государствѣ, 163.

Вообще, злоупотребленіе воеводъ и другихъ служилыхъ людей въ Сибири,—это—не какая-нибудь историческая деталь, случайность; напротивъ, это важное общее явленіе, съ которымъ серьезно приходилось считаться московскому правительству. Этотъ гнетъ обусловливался не злонравіемъ, не темпераментомъ, а всей системой, какъ центральнаго, такъ и областного управленія. Не забудемъ, что рѣдкій воевода не оставлялъ позади себя „сыска" объ его управленіи, и все это были „представители родовыхъ дворянскихъ фамилій" [1]). Въ этихъ сыскныхъ дѣлахъ развертывается потрясающая картина служилаго гнета, подъ который попало сибирское населеніе. Бывало такъ, что область, посѣщенная воеводой и его людьми, послѣ того имѣла видъ страны, разоренной непріятелемъ: она была прямо таки разграблена, люди изувѣчены, женщины изнасилованы [2]). Довольно указать, что иногда, при сборѣ ясака, насилія были настолько нестерпимы, что отъ нихъ „ясашные люди съ судовъ metалися въ воду и тонули", т. е. кончали самоубійствомъ [3]). Возставали и русскіе люди, притѣсняемые воеводами, при чемъ возмущеніе бывало длительнымъ: воевода отстранялся и вводилось самоуправленіе съ выборными населеніемъ „судейками", и цѣлый уѣздъ признавалъ этихъ выборныхъ властей и новоявленную думу забунтовавшаго города [4]). Но еще упорнѣе и опаснѣе были инородческія возстанія. Таково, напр., киргизское движеніе 1616-го года, подавленное посланными казаками съ значительными усиліями и жестокостью: „многихъ киргизовъ порубили, женъ и дѣтей въ плѣнъ побрали"... [5])

Или вотъ еще примѣры. Въ 1624 году кузнецкій воевода увѣдомилъ томскаго, что татары его уѣзда „не токмо на нынѣшній годъ не заплатили ясаку, но и, скопясь, по-

---

[1]) Оглоблинъ, Обзоръ столбцовъ и книгъ Сиб. приказа. I, 181.

[2]) Тамъ же, III, 171.

[3]) Тамъ же, III, 175.

[4]) Н. Н. Оглоблинъ. Красноярскій бунтъ 1695—1698 г.г. Очеркъ изъ исторіи народн. движеній въ Сибири. Томскъ, 1902 г., 8.

[5]) Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства, С.-Пет. 1787 г., кн. 1-я, 367.

казываютъ видъ, что желаютъ вступить съ россіянами въ бой“; они не только „показывали видъ“, но подняли явный бунтъ, „который“, говоритъ старинный историкъ Сибири Фишеръ, „на подобіе огня отъ часу далѣе распространялся и заразилъ татаръ Тарскаго уѣзда“ [1]). Въ 1628 году пришло извѣстіе о томъ, что Барабинцы убили сына боярскаго и перебили 18 человѣкъ тарскихъ казаковъ, оставленныхъ въ степи для защиты татаръ отъ калмыцкихъ набѣговъ. [2]) но, какъ видно, дѣйствовавшихъ такъ, что отъ нихъ пришлось отдѣлаться Барабинцамъ; послѣ чего руководитель движенія князецъ Когутай со своими сообщниками бѣжалъ въ верховья Оби къ Телеутамъ и Калмыкамъ. Словомъ, инородческій міръ Сибири тамъ и сямъ выдвигаетъ отпоръ пришельцамъ, прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ обороны противъ нихъ: говоря объ экспедиціяхъ въ восточной Сибири, мы отмѣтили цѣлый рядъ возмущеній инородческаго населенія противъ русскаго владычества и неумѣренныхъ аппетитовъ представителей этого владычества. Мы видѣли, что Якуты и Онкоты передались китайскому правительству во время борьбы съ нимъ русскихъ за Поамурье и что то же готовы были сдѣлать уже раньше поднимавшіеся противъ Русскихъ Тунгусы, самый значительный по количеству народъ Восточной Сибири. Вообще, послѣ того, какъ характеръ русскаго владычества въ Сибири выяснился окончательно въ глазахъ инородческаго міра этой страны, инородцы, позднѣе, въ концѣ XVII стол., подчиняемые русской власти, выставили, кажется, болѣе энергичное сопротивленіе и болѣе планомѣрную оборону, чѣмъ тѣ, съ которыми имѣли дѣло первые піонеры въ Восточной Сибири. По крайней мѣрѣ, покоритель Камчатки Атласовъ отмѣчаетъ въ своей отпискѣ слѣдующее, весьма выразительное явленіе; „до прибытія русскихъ“, говоритъ онъ, „остроговъ у нихъ не бывало и знатно, что при русскихъ людяхъ построили остроговъ больше. И отъ тѣхъ

[1]) Фишеръ: Сибирская Исторія, С.-Пет., 1774 г., 321.
[2]) Тамъ же, 323.

остроговъ бьются, бросаютъ каменья пращами изъ рукъ съ острожку и обвостреннымъ кольемъ и палками бьются" [1]). Бродячіе инородцы, жившіе родами, въ юртахъ, стали въ непокоренномъ еще русскими камчатскомъ краю собираться въ остроги, въ укрѣпленныя мѣста, которыхъ развѣдчики Атласова насчитали до 160, и собирались эти первобытные звѣроловы-охотники, очевидно, для того, чтобы отстоять свою свободу, не платить ясака, какъ они не платили до прихода русскихъ: „державства великаго надъ собою не имѣютъ", писалъ объ нихъ Атласовъ, „и ясаку не платятъ, а живутъ по своей волѣ". Но съ приходомъ русскихъ, съ построеніемъ въ Камчаткѣ (въ 1703 г.) Больше-Рѣцкаго острога и съ возникновеніемъ ежегодныхъ казачьихъ командировокъ для приведенія въ большее подданство жителей и для сбора ясака, „державство великое" все болѣе и болѣе затягивало петлю на туземцахъ, иногда жестоко мстившихъ своимъ притѣснителямъ.

„Камчадалы", читаемъ мы въ оффиціальной „исторической запискѣ о Камчаткѣ (о всѣхъ перемѣнахъ въ управленіи ея)", запискѣ, представленной Императору Александру I сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Иваномъ Пестелемъ, „до сего времени (до установленія „великаго державства"), не видѣвшіе никакой посторонней власти постепенно лишаемы русскими природной ихъ свободы и наконецъ доведены были до того, что сдѣлались совершенными непріятелями русскихъ, съ умноженіемъ и усиленіемъ коихъ въ Камчаткѣ, усиливался и духъ мщенія у камчадаловъ; такъ—что въ 1706 г. Больше-Рѣцкій острогъ разоренъ былъ ими до основанія, дома выжжены и казаки всѣ погибли" [2]). Дабы „великое державство" не терпѣло „порухи", ущерба отъ инородческихъ мятежей, государь приказывалъ „имать" съ инородцевъ ясакъ „ласкою, а не жесточью", но все-таки „по вся годы съ прибылью, безъ

---

[1]) Историческій очеркъ главн. событ. въ Камчаткѣ—Сгибнева. 11.
[2]) Архивъ Госуд. Сов. Д. Эк. 1810 г., № 29.

недобору, чтобъ нашъ", говорилось въ грам. 1681 г. [1]) „великаго государя ясакъ и поминки на ясачныхъ людяхъ изъ году въ годъ не оставалися". Воеводамъ настоятельно внушалось „мягкую рухлядь сбирать неоплошно, съ великимъ радѣніемъ, и ясачнымъ, которыхъ учнете посылать въ ясачныя волости, въ наказы писать и сказывать накрѣпко, чтобъ ясачные люди нашъ великаго государя ясакъ приносили: соболи съ туши и съ хвосты, а лисицы съ лапы и съ хвосты жъ, по окладу сполна". А чтобы эти внушенія не остались только на бумагѣ, пустымъ звукомъ, они подкрѣплялись обѣщаніемъ доправить допущенную недоимку на самомъ воеводѣ: въ этомъ обѣщаніи, конечно, заключалась серьезная гарантія того, что внушенія о неотложномъ сборѣ ясака съ бумаги усердно переводились на спины ясачниковъ... И въ этомъ отношеніи воеводы не плошали. Тщетно инородцы якутскаго края указывали „государю" на свою бѣдность и нужду, на то, что въ ихъ рѣкахъ „звѣрь соболь" „опромышлялся", и просили о болѣе снисходительномъ для нихъ „окладѣ", государь повелѣвалъ: „сбирать съ ясашныхъ людей ясакъ по окладамъ ихъ". И вотъ въ 1682 г. пришлось якутскому воеводѣ собирать государевъ ясакъ съ „великою нужею"; многіе при этомъ, наиболѣе бѣдные якуты, старики и увѣчные, а также и тѣ, которые, вслѣдствіе соболиной безпромышленности, не добыли звѣря въ достаточномъ количествѣ,—не могли заплатить ясака сполна по окладамъ „и въ томъ неоплатномъ ясакѣ тѣ якуты стояли на правежѣ и въ тюрьмѣ сидѣли" [2]). Лишь иногда, какъ особаго рода снисхожденіе, разрѣшалось нѣкоторымъ инородцамъ, вмѣсто самостоятельной ловли звѣрей, наниматься „у русскихъ людей клади ихъ волочить и платить ясакъ великому государю русскими соболями, (т. е. купленными и заработанными у русскихъ), „чтобы ясашнымъ людямъ", поясняло правительство эту „милость",

---

[1]) Историч. Акты XVII стол. Собр. и изд. Иннокентіемъ Кузнецовымъ, Томскъ, 1890 г., 57.

[2]) Н. А. Ѳирсовъ, Полож. инородц. 166.

обуславливаемую, можетъ быть, нуждой русскихъ въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, „въ конецъ не погибнуть и великаго государя ясаку не отбыть“ [1]). Таковъ былъ общій характеръ требованій государственной власти съ сибирскихъ инородцевъ и исполненія этихъ требованій ея мѣстными органами,—воеводами и ихъ помощниками.

Да и какъ было великому государю не относиться столь ревниво къ сбору ясака, когда, по справедливымъ замѣчаніямъ изслѣдователя, на драгоцѣнныя мѣха „покупались“ имъ „заморскія вина и сласти, которыми отягчалась трапеза царей, и разноцвѣтные кафтаны, которыми щеголяли при дворѣ“, когда на нихъ же, на мѣха же, пріобрѣтались „груды золота и серебра, которыя наполняли царскую казну и приводили въ изумленіе иностранцевъ“, когда все тѣми же мѣхами, соболями и лисицами, между прочимъ, „царь платилъ за монашескія молитвы о здоровьѣ его и объ успокоеніи его предковъ и за воинскую доблесть и безусловную покорность его холоповъ“ [2]).

Разлакомившись ясакомъ съ инородческаго міра по сю сторону Урала, московскій царь не хотѣлъ знать никакой „оплошности“ въ сборѣ ясака по ту сторону „Камня“—на всемъ великомъ пространствѣ сибирскихъ земель...

Воеводы охулки на руку не клали, а инородцы волновались и поднимали мятежи; государь московскій производилъ объ ихъ хищеніяхъ и насиліяхъ „сыски“, приказывалъ поступать „ласкою, а не жесточью“, и въ тоже время неуклонно, подъ опасеніемъ имущественнаго ущерба, требовалъ отъ своихъ слугъ сбора ясака безъ недобора, не взирая на серьезныя препятствія къ этому. Требуя послѣднее, онъ самъ злоупотреблялъ своимъ „высмотромъ“ не менѣе, чѣмъ его агенты своимъ. Говоря хорошія слова о „ласкѣ“, дабы его казнѣ не было порухи, московскій царь не замѣчалъ, что по отношенію къ сибирскому ино-

[1]) Тамъ же, 167.
[2]) Тамъ же, 159.

родческому труду онъ занималъ въ сущности одну и ту же позицію со своими агентами и разными „промысловщиками", первыми піонерами въ Сибири. Это—позиція эксплуататоровъ чужого труда ради цѣлей, не имѣющихъ никакого отношенія къ жизни и положенію эксплуатируемыхъ; инородцы Сибири, пока не были совсѣмъ задавлены, отлично это понимали, почему не только производили агрессивныя дѣйствія противъ служилыхъ людей, но прямо отлагались отъ „великаго державства".

И такъ, въ концѣ концовъ, мы видимъ, что по отношенію къ Сибири, сдѣлавшейся въ XVII стол. окончательно московской колоніей, чуждая странѣ государственная власть и ея представители отнеслись подобнымъ же образомъ, какъ раньше и позднѣе относились пришельцы—завоеватели въ колоніяхъ всего міра: съ необыкновенною алчностью, хотя и съ приправой иногда добрыхъ словъ, имѣвшихъ болѣе финансовый смыслъ, принялись эти пришлые элементы края истощать не только его зоологическія богатства, но и все туземное населеніе, завладѣвъ его землями и трудомъ, не думая о послѣдствіяхъ такого хищничества для самихъ эксплуатируемыхъ маленькихъ народовъ великой страны.

Таково, повторяю, отношеніе вообще побѣдителей къ побѣжденнымъ въ отдаленныхъ странахъ, неизбѣжно опустошаемыхъ и разоряемыхъ, фактъ, давно установленный въ наукѣ [1]). Конечнымъ и роковымъ послѣдствіемъ этого факта, при малой физической и духовной выносливости побѣжденной расы, являлось вырожденіе и вымираніе туземнаго населенія. Въ частности по отношенію къ крайнему востоку Сибири, Камчаткѣ и камчадаламъ, объ этомъ явленіи выразительно свидѣтельствуетъ цитированная нами выше „Историч. записка" о Камчаткѣ: „Начальное покореніе ея", читаемъ мы здѣсь, „продолжающія внутреннія возмущенія

---

1) См., напр., у Маркса въ описаніи процесса такъ называемаго первоначальнаго накопленія.

Камчадаловъ, происходившія притѣсненія отъ завоевателей, т. е. казаковъ, занесенныя сими послѣдними болѣзни, жителямъ тамошнимъ до того неизвѣстныя, а наипаче оспа и венерическая болѣзнь истребили большую часть Камчадаловъ" [1]).

Но подобная судьба постигла и нѣкоторыхъ другихъ народцевъ Сибири, и, разумѣется, постигла бы всѣхъ, если бы не громадный культурный прогрессъ метрополіи, если бы не проникновеніе верховной власти принципомъ разумной государственной экономіи, совпадающей и съ великими началами гуманности и съ настоящими, непреходящими политическими и общественными интересами и задачами Россіи въ Сибири.

VI.

Московское „державство", повлекшее за собой прежде всего требованіе „ясака", есть основной фактъ исторіи Сибири по завоеваніи ея русскими. Къ какой бы сторонѣ сибирской жизни мы не обратились, мы неизбѣжно встрѣтимся съ этимъ фактомъ, ибо отъ него все теперь отправлялось и къ нему все возвращалось; хотя это вовсе не значило, что жизнь не имѣла своего собственнаго, не зависѣвшаго отъ „державства", хода: выяснить видную роль этого „державства" въ сибирской жизни и опредѣлить то,что уходило изъ подъ его воздѣйствія, имѣло самостоятельное теченіе, къ которому такъ или иначе прилаживалось и само „державство", составляетъ главнѣйшій предметъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

Московское „державство" въ Сибири *обязывало* и прежде всего обязывало самого „бѣлаго царя" удержать Сибирь за собой. Какъ показали судьба Ермака и впослѣдствіи амурское предпріятіе, это было много труднѣе, чѣмъ произвести первоначальные захваты при помощи отважныхъ набѣговъ промышленно-казацкихъ товариществъ. Положеніе этихъ товариществъ и шедшихъ съ ними и за ними мо-

[1]) Арх. Гос. Совѣта, Д. Экон. № 29.

сковскихъ служилыхъ людей было очень рискованное и опасное, на что указываетъ вся исторія открытій и завоеваній въ Сибири. Почти до самого конца XVII в. положеніе боевой силы въ Сибири было очень тяжелое, о чемъ свидѣтельствуетъ множество жалобъ людей на всевозныя бѣдствія, которыя они терпѣли въ отдаленныхъ и негостепріимныхъ краяхъ. Такъ енисейскіе служилые люди указывали верховному „державцу" Сибири, что „службъ такихъ нужныхъ и жестокихъ во всей государевой отчинѣ нѣтъ", указывали на малолюдство, плохое содержаніе, дороговизну и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ: ѣда, де, у нихъ такая, „чего, говорили они, на Руси и скотина не ѣстъ въ зимнее время разбивъ муки на водѣ, а въ лѣтнюю пору наваря борщу въ водѣ, то мы ѣдимъ"... Служилые люди сами понимали, какое они имѣли значеніе въ дѣлѣ покоренія Сибири, въ дѣлѣ приведенія сибирскихъ инородцевъ къ покорности, къ московскому „державству", знали, что „землицы очищали они своими головами и кровью", и потому прося разныхъ льготъ и облегченій, мотивировали свои просьбы опасеніемъ, какъ бы, въ противномъ случаѣ, „не умалился сборъ ясачной казны, которая", говорили они, „сбиралась нашею кровью и работою" [1]).

Главный недостатокъ, особенно чувствительный въ Сибири пришельцамъ, это недостатокъ въ хлѣбѣ. Сибирь не встрѣтила ихъ ни хлѣбомъ, ни даже солью, ибо попадаются жалобы, что отъ недостатка соли у нихъ развилась цынга,— что они „оцынжали"... Хлѣбъ пришлось привозить въ Сибирь изъ поморскихъ уѣздовъ (въ нынѣш. арх. губ.), гдѣ онъ собирался съ крестьянъ, на ихъ же обязанность была возложена и доставка хлѣба въ Верхотурье, откуда затѣмъ онъ развозился по сибирскимъ городамъ. Съ распространеніемъ пашни въ западной окраинѣ Сибири, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, стали собирать хлѣбъ для Сибири и съ крестьянъ этого уѣзда, съ „государевыхъ" и „собинныхъ" крестьянскихъ пашенъ: сохранились дѣла объ отпускѣ въ

[1]) Обзоръ Столб. Сиб. прик., 111, 119, 117.

Тобольскъ, Туринскъ и др. сибирскіе города заготовленныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ возникшихъ въ Верхотурскомъ краѣ слободахъ, напр., въ Тагильской, Ирбитской, Ницынской, Невьянской и др.

Трудно было доставить поморскій хлѣбъ въ Верхотурье, откуда на судахъ, здѣсь построенныхъ, онъ шелъ съ немалыми затрудненіями и препятствіями въ Тобольскъ; но еще большія трудности ожидали доставщиковъ хлѣба при развозкѣ его по самой Сибири; здѣсь иной разъ транспортъ хлѣба попадалъ въ ужасныя условія, въ которыхъ приставленнымъ къ нему служилымъ людямъ приходилось даже погибать. Такъ въ 1643 г. моремъ шли государевы и торговые кочи съ хлѣбомъ изъ Березова въ Мангазею, куда доставка хлѣба сопрягалась съ особенною опасностью, и на этотъ разъ кочамъ не посчастливилось: они потерпѣли крушеніе, хлѣбъ потонулъ, потонула и часть людей, нѣкоторые изъ спасшихся, чтобы не умереть голодной смертью, питались мертвыми тѣлами своихъ товарищей; но все-таки потомъ всѣ они погибли въ дорогѣ; тѣмъ не менѣе объ ихъ людоѣдствѣ возникъ „сыскъ", и дѣло докладывалось государю, о чемъ на отпискѣ тобольскихъ воеводъ царю о печальномъ финалѣ этой хлѣбной доставки имѣется помѣта: „государь слушалъ; въ столпъ" (сдать въ архивъ) [1]). Сибирскіе казаки и стрѣльцы, на которыхъ возлагалась развозка хлѣба по сибирскимъ городамъ, жаловались государю на свою долю и просили избавить ихъ отъ этого рода службы, говоря, что служба ихъ и безъ того крайне тяжела и что они не въ состояніи нанять подводы для перевозки хлѣба: „у насъ", объясняли енисейскіе служилые люди московскому царю, „и волосовъ столько на головахъ нѣту, чтобы дати отъ тое хлѣбные воски найму" [2]).

Вотъ эти-то обстоятельства—необыкновенная трудность доставки хлѣба въ Сибирь и сопутствующая трудности дороговизна доставки—и явились однимъ изъ существенныхъ

[1]) Обз. Столб. Сиб. приказа, 111, 70—72.
[2]) Тамъ же, 111, 116.

побужденій правительства стремиться къ заселенію Сибири, къ установленію тамъ земледѣльческой культуры. Вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ потребности въ хлѣбѣ эта земледѣльческая колонизація должна была служить и къ укрѣпленію Сибири за Москвой. И вотъ въ Сибири возникаетъ такъ называемая „государева пашня". Обязанность по начатію этого дѣла и по развитію его также, какъ и сборъ ясака, возлагается на воеводъ: они должны были отыскивать пашенныя мѣста, призывать на нихъ „прихожихъ" русскихъ людей и заводить слободы—именно для того, чтобы имѣть въ Сибири мѣстный хлѣбъ, а не ждать и нерѣдко напрасно присылку его изъ Верхотурья.

Такимъ образомъ мы видимъ, что „державство" Москвы въ Сибири, какъ результатъ завоеванія, повлекши за собой установленіе ясака съ сибирскаго населенія, влекло за собой также правительственное заселеніе Сибири земледѣльцами въ интересахъ продовольствія завоевателей и новыхъ владѣтелей страны, а черезъ нихъ, слѣдовательно, и вообще для упроченія въ ней русскаго владычества. Эта правительственная земледѣльческая колонизація Сибири не пошла бы однако такъ успѣшно, какъ она пошла, если бы она не встрѣтила серьезной опоры въ начавшемся, подъ давленіемъ жизненныхъ условій Московскаго государства, переселенческомъ движеніи въ Сибирь рабочаго люда,- значитъ, въ естественной, вольной колонизаціи Сибири. Многія дѣла Сибирскаго приказа свидѣтельствуютъ объ этомъ вольномъ заселеніи Сибири, которымъ правительству приходилось только пользоваться въ своихъ властительскихъ интересахъ, и оно пользовалось имъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это заселеніе не совпадало со строгой законностью.

Въ Сибирь двинулись и гулящіе люди, и пахари, гонимые на новыя мѣста нуждой, которую они испытывали на старыхъ, съ плохими урожаями и еще болѣе плохими порядками; къ тому же на старыхъ мѣстахъ земля была чужая и достаточно истощенная примитивными способами обработки, а въ Сибири былъ непочатый край громадныхъ

плодороднѣйшихъ пространствъ, на которыхъ можно было завести свое земледѣльческое хозяйство, не стѣсняясь въ распространенiи пахатной площади на счетъ безконечныхъ лѣсовъ и не вставая въ зависимость отъ помѣщика.

Отправлялись въ Сибирь по удовлетвореннымъ челобитьямъ на имя государя и просто бѣжали. Бѣжали изъ разныхъ мѣстъ Московскаго государства, въ томъ числѣ и изъ поморскихъ, гдѣ населенiе было угнетено не помѣщикомъ, а наложенной правительствомъ обязанностью по извѣстной намъ хлѣбной доставкѣ, откуда, слѣдовательно, путь въ Сибирь былъ хорошо извѣстной и проторенной дорогой. „Государь" зналъ и о такихъ самовольныхъ переселенцахъ-бѣглецахъ: „вѣдомо намъ учинилось", читаемъ мы въ царской грамотѣ 1687 г.,—„что изъ Поморскихъ городовъ бѣгутъ всякихъ чиновъ жители и уѣздные пашенные крестьяне въ разные сибирскiе города".

Съ развитiемъ преслѣдованiя раскола это самовольное переселенческое движенiе въ Сибирь усилилось, а московское правительство, хорошо зная о немъ, относилось къ нему въ общемъ довольно снисходительно въ интересахъ заселенiя Сибири и распространенiя въ ней пашни. Передвиженiе населенiя продолжалось и въ самой Сибири: переселенцы переходили съ мѣста на мѣсто, ища лучшихъ „землицъ": такъ за атаманомъ Сорокинымъ, оперировавшимъ въ Даурiи, двинулись и пашенные сибирскiе люди.

Заселенiе русскими Сибири началось, конечно, съ западной ея части, съ такъ называемаго Верхотурскаго уѣзда. Здѣсь уже къ началу XVII в. успѣли возникнуть русскiя поселенiя, занявшiя сравнительно въ короткое время значительную площадь. Большею частью эти поселенiя возникали на пожалованныхъ „государемъ" земляхъ, для полученiя коихъ требовалось только то, чтобы до того на нихъ не было собственника, чтобы они были „дикими", а слѣдовательно, „вольными". На такой „вольной" землѣ появлялись дворы первыхъ поселенцевъ; эти дворы именовались деревней, хотя въ началѣ такая деревня состояла изъ

одного, двухъ, много трехъ дворовъ; съ теченіемъ времени путемъ естественнаго прироста количество дворовъ увеличивалось и въ концѣ концовъ прежній, въ сущности, хуторъ превращался въ село или слободу; въ иномъ случаѣ зерномъ сибирскаго села была одна семья, вслѣдствіе чего позднѣйшіе многочисленные обитатели его носили одну фамилію. Но, разумѣется, чаще и скорѣе поселеніе развивалось путемъ „прибиранія", припуска на заведенную пашню новыхъ поселенцевъ. Нашлись особые организаторы поселеній, основатели пашенныхъ слободъ, такъ называемые „слободчики". Основавъ одну слободу и пригласивъ на нее крестьянъ, они, эти „слободчики", какъ говорятъ акты, „ѣздили съ тѣми новоприборными крестьянами далѣе, отыскивали удобныя пашенныя земли и вновь строили слободы". Такъ появлялась слобода за слободой, въ 20 лѣтъ ихъ возникало до 10 и въ нихъ къ прежнимъ дворамъ прибавилось до 60. Поощряя вольное заселеніе Сибири, правительство въ то же время требовало отъ воеводъ, чтобы они „прибирали" крестьянъ „на государеву пашню" и при этомъ предоставляли бы имъ льготы и оказывали бы имъ помощь. Этимъ самымъ „державство" толкало естественный колонизаціонный процессъ дальше, до извѣстной степени искусственно форсировало его; и вотъ, когда этотъ процессъ далъ болѣе или менѣе осязательные для „Москвы" результаты въ Верхотурскомъ уѣздѣ и въ Тобольскомъ разрядѣ, правительство констатировало фактъ значительнаго распространенія въ Западной Сибири пахотной площади. „Прежде", сообщало оно въ указѣ 1632 г., „привозили изъ Поморскихъ городовъ въ Верхотурье хлѣбные запасы давно, коли въ Сибирскихъ городахъ нашему хлѣбу пахота была не велика; а нынѣ на Верхотурье и въ иныхъ сибирскихъ городахъ Тобольскаго разряда хлѣбная пахота учала быть большая, а остается у нихъ хлѣба и за окладомъ много". На этомъ процессъ земледѣльческой колонизаціи на территоріи Тобольскаго разряда не остановился, а продолжался дальше, и чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ,

повидимому, съ большимъ „понужденіемъ“ со стороны „державства“. Сначала заботились о распространеніи пахоты въ „Томскомъ разрядѣ“, гдѣ хлѣба „тамошней пахоты“ въ 30-хъ год. XVII в. было мало, а потомъ въ еще болѣе „дикихъ“ мѣстахъ Восточной Сибири, гдѣ о хлѣбѣ нерѣдко приходилось только мечтать и въ поискахъ его пускаться въ отдаленныя и опасныя даурскія странствія. Въ началѣ 40-хъ годовъ того же вѣка, московскій царь, видимо, поражаемый отписками съ мѣстъ о хлѣбной скудости и „нужѣ“ въ русскихъ острогахъ Восточной Сибири, приказалъ якутскому воеводѣ Головину съ товарищами отыскивать на Ленѣ годную для пашни землю и сообщить, „сколько на тѣхъ мѣстахъ крестьянъ устроить можно“. И другимъ воеводамъ Москвы повелѣвалось: „пашенныхъ мѣстъ имъ воеводамъ по Ленѣ рѣкѣ и по инымъ рѣкамъ близко Лены провѣдывать накрѣпко, чтобъ на Ленѣ-рѣкѣ и близко того мѣста, гдѣ они воеводы съ служилыми людьми учнутъ жить, пашни завесть и крестьянъ на пашни устроить—и хлѣба на ленскихъ служилыхъ людей и на ружниковъ, и на оброчниковъ, и на всякіе тамошніе расходы напахать, а изъ Тобольска и Енисейска бы впредь на Лену хлѣбныхъ запасовъ не посылать, а позывать на пашню крестьянъ вольныхъ, всякихъ гулящихъ людей изъ подмоги и изъ льготы“. И здѣсь нашлись „охочіе люди“. Такъ, напр., извѣстный намъ Ярофейко Павл. Хабаровъ въ 1641 г. просилъ, чтобъ ему на Ленѣ дали подъ пашню земли на льготѣ, съ обязательствомъ, послѣ льготныхъ лѣтъ, пахать ему на государя опредѣленное количество земли, а именно „отъ 9 десятую десятину въ полѣ, а въ дву потомужъ“; такъ, въ томъ же году о томъ же „билъ челомъ“ промышленный человѣкъ Пантелейко Яковлевъ устюжанинъ,—„чтобъ быть ему въ пашенныхъ крестьянахъ“, просилъ земель на Ленѣ на Тунгусскомъ волоку, гдѣ „переходятъ съ Лены на Турухань“; такъ, въ 1649 г. Ивашко Сверчковъ, крестьянинъ вологодскаго архіепископа также, какъ и первые два челобитчика, просилъ и получилъ пахотныя земли.

И вотъ, и въ Восточной Сибири постепенно, но настойчиво „дикое поле“ превращается въ пахатное и распространяется это послѣднее также, какъ и въ Западной, по великимъ и малымъ сибирскимъ рѣкамъ. Тамъ, на этихъ рѣкахъ, гдѣ находились удобныя для пашни земли, и укрѣплялось пришлое земледѣльческое населенiе, сдѣлавшееся основой русскаго владычества въ Сибири. Настоящая жизнеспособная завязь этого владычества образовалась не ранѣе, какъ къ концу XVII в., когда въ Западной Сибири, по рѣкамъ Турѣ, Тавдѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и ихъ притокамъ уже прочно сидѣло земледѣльческое русское населенiе, а въ Восточной, имѣя уже осѣдлое населенiе на Енисеѣ и на другихъ рѣкахъ, усиленно заводили пахоту въ верховьяхъ Лены.

Положенiе первыхъ русскихъ поселенцевъ-земледѣльцевъ въ Сибири было очень трудное. Имъ не хватало очень многаго, они были обременены „государевой пашней“ и многими повинностями, они были въ чужой странѣ и терпѣли недостатокъ въ одеждѣ, обуви, въ хозяйственномъ инвентарѣ, но особенно чувствителенъ имъ былъ недостатокъ въ женщинахъ; да, послѣднiй недостатокъ, въ челобитной енисейскихъ пашенныхъ крестьянъ на имя государя, выставлялся, какъ самый существенный: „вели, государь“, писали они, „намъ прислати изъ Тобольска гулящихъ (вольныхъ, свободныхъ) женочекъ, на комъ женится“, „всѣ мы“, говорили челобитчики, люди „одинокiе и холостые“,—вслѣдствiе чего самимъ приходится исполнять, „всякiя избныя работы и оттого опочиву нѣтъ (у нихъ) ни на малъ часъ“; „мы“, жаловались несчастные, „просили уже прислать изъ Тобольска „гулящихъ женокъ, но воеводы не шлютъ“, „а безъ женишекъ, государь, намъ быти никако не мочно“ [1]).

Эта челобитная указывала на несомнѣнный фактъ изъ исторiи начала сибирской колонизацiи; фактъ, который разъяснитъ намъ многое въ сибирскихъ отношенiяхъ XVII в.

[1]) Обзоръ стол. и книгъ Сиб. Приказа, III т., 142.

вообще, въ частности въ антропологической организацiи позднѣйшаго русскаго населенiя въ Сибири...

Но прежде чѣмъ перейти къ весьма важному вопросу объ отношенiяхъ между русскимъ и инородческимъ населенiемъ въ Сибири, надо остановиться на первомъ и посмотрѣть, изъ какихъ категорiй оно состояло и какими типическими чертами оно характеризуется само; данныя, характеризующiя пришлое населенiе въ Сибири, въ значительной мѣрѣ объяснятъ намъ и русско-инородческiя отношенiя.

Изъ предшествующаго изложенiя уже ясно, что высшимъ классомъ русскаго населенiя въ Сибири также, какъ и въ метрополiи—въ Московскомъ государствѣ, являлись служилые люди; во главѣ ихъ стояли главнѣйшiе исполнители на мѣстахъ верховной воли, управлявшiе отъ ея имени Сибирью, воеводы и приказные. Служилые люди, кромѣ дѣленiя ихъ на начальствующихъ и подчиненныхъ, еще дѣлились на нѣсколько разрядовъ по своему общественнному положенiю и по своему происхожденiю.

На самомъ верху общественной лѣстницы стояли дворяне, появляющiеся въ Сибири лишь съ конца XVII в., сначала въ Тобольскѣ, а затѣмъ и въ иныхъ городахъ. Это рѣдкiй въ Сибири „чинъ" служилыхъ людей; затѣмъ шли болѣе многочисленные дѣти боярскiе, нѣкоторые изъ коихъ по челобитьямъ верстались и въ дворяне; ниже боярскихъ дѣтей стояли разнаго рода выходцы и плѣнники съ запада и юго-запада, объединенные названiемъ „Литвы", это были служилые люди „литовскаго списка"—поляки, бѣлоруссы, малороссы, а также и „иноземцы"—нѣмцы и др.; еще ниже стояли казаки, которыхъ справедливо считаютъ главною военною силою, „вынесшею на своихъ плечахъ все дѣло завоеванiя Сибири и утвержденiя въ ней русской власти"; [1]) казацкiе атаманы и „письменные головы", бывшiе и изъ рядовыхъ казаковъ, иногда верстались въ дворяне; равно

[1]) Обзоръ столб. и кн. Сиб. Прик., III, 104.

какъ рядовые казаки за особыя заслуги въ дѣти боярскіе, а съ конца XVII в. и въ дворяне; нисшимъ разрядомъ служилыхъ людей были стрѣльцы; особый разрядъ представляли служилые люди изъ сибирскихъ инородцевъ, большею частью новокрещеновъ, куда относятся и тѣ инородцы, которые выѣхали на службу московскому царю изъ средне-азіатскихъ ханствъ. Это все служилые люди, но были еще полуслужилые — такъ называемые оброчники, которыхъ однако надо отличать отъ крестьянъ и посадскихъ: эти „оброчники“ получали изъ казны жалованье — денежное, хлѣбное и соляное, которое называлось также ругою, подобно той ругѣ, которую получали духовные ружники; опредѣленнаго „оклада“ на эту ругу не было, какъ для жалованья служилыхъ людей; но этой ругой, получаемой за службу отъ казны оброчники-толмачи, государевой бани баньщики, гранатчики и т. под.—рѣзко отличались отъ крестьянъ и посадскихъ, наоборотъ платившихъ казнѣ „оброки“ за землю и промыслы. Посадскіе и крестьяне это — тѣ низы и сибирскаго русскаго общества, безъ которыхъ, при всей энергіи первыхъ казацкихъ и казачествующихъ піонеровъ, Сибирь не сдѣлалась бы частью русскаго государства. Рядомъ съ этими общественными классами стояло въ Сибири явившееся туда за русскимъ населеніемъ православное духовенство—высшее въ лицѣ архіепископовъ, позднѣе митрополитовъ, и монастырей съ братіями и нисшее въ лицѣ бѣлаго духовенства; это—представители Церкви, занимавшей въ Сибири, какъ и въ метрополіи, особое положеніе, несоизмѣримое съ положеніемъ другихъ классовъ общества; но рѣзко отличаясь цѣлью своего существованія и своей профессіей отъ остальныхъ общественныхъ классовъ, духовенство и своими спеціально профессіональными и своими, нерѣдко выходящими за предѣлы профессіи, матеріальными интересами, близко соприкасалось съ таковыми же интересами остального сибирскаго населенія не только русскаго, но и инородческаго; почему и этотъ классъ отнюдь не можетъ быть исключенъ изъ сферы изученія сибирскихъ общественныхъ отношеній.

Обращаясь къ этому изученію, мы опять должны начать съ наиболѣе сильныхъ въ сибирской жизни людей, а таковыми были ея цари-воеводы и др. начальствующія лица; мы знаемъ, какъ они собирали ясакъ; теперь посмотримъ, какъ они относились къ русскому населенію въ Сибири.

VII.

Сибирскій воевода, столь, какъ мы видѣли грозный и требовательный по отношенію къ инородцамъ, былъ не менѣе грозенъ и требователенъ по отношенію къ русскому населенію, и ближайшимъ образомъ, даже по отношенію къ непосредственно подчиненнымъ ему служилымъ людямъ. До какой щепетильности доходилъ сибирскій воевода въ оцѣнкѣ своего начальственнаго величія, видно, напр., изъ слѣдующей сцены, происшедшей однажды въ Тобольскѣ въ церкви во время пасхальной заутрени. Боярскій сынъ, христосываясь съ тобольскимъ воеводой, поцѣловалъ его „мимо губъ въ руку"; воевода счелъ этотъ способъ христосоваться неблагонадежнымъ: по его мнѣнію, боярскій сынъ въ этомъ случаѣ „умыслилъ воровски", и воевода, не долго думая, тутъ же, въ церкви, „зашибъ" боярскаго сына [1]). Это одна изъ многихъ иллюстрацій необыкновенной властности воеводъ въ Сибири, для которыхъ закономъ была ихъ собственная воля, часто переходившая въ самодурство. Воевода, постоянно чувствуя эту властность, привыкалъ думать, что онъ все можетъ, и это сознаніе всемогущества иногда выражалось въ самыхъ странныхъ формахъ: такъ имѣются свѣдѣнья о такомъ воеводѣ, который считалъ своею обязанностью ходить съ длиннымъ и толстымъ батогомъ и бить имъ встрѣчныхъ людей; онъ не просто билъ, а еще и приговаривалъ: „я, воевода,— всѣхъ изподтиха выведу и на кого руку наложу, ему отъ меня свѣту не видать и изъ тюрьмы не бывать" [2]).

[1]) Обзр. ст. и кн. Сиб. Пр., III, 89.
[2]) Градовскій, Ист. мѣстн. упр. Сочин., II, 468.

Эти справки и вообще характеристика воеводскаго властительства имѣютъ для насъ то значеніе, что именно въ разсматриваемую пору, въ XVII стол., закладывались тѣ традиціи мѣстнаго сибирскаго управленія, которыя давали, какъ увидимъ, себя чувствовать населенію въ Сибири много позднѣе тѣхъ временъ. Сибирскій воевода XVII в. надолго опредѣлилъ характеръ представителя государственной власти въ Сибири, почему и заслуживаетъ вниманіе бытописателя прошлой сибирской жизни.

Угнетая не только инородцевъ, но и новорожденное русское общество въ Сибири, воевода его и деморализовалъ своимъ поведеніемъ, подавая примѣръ къ подражанію въ самоуправствѣ и въ развратѣ. Для сибирскаго воеводы ничего не стоило жениться на женѣ какого-нибудь подъячаго, имѣть гаремъ. Смѣтливый воевода обращалъ развратъ даже въ статью его дохода: такъ воевода Голохвостовъ имѣвшихся въ Енисейскѣ безмужнихъ женъ отдалъ на откупъ вмѣстѣ съ игрой въ зернь и хмѣльнымъ питьемъ, беря съ этого откупа рублей по 100 и больше. Легализировавъ такимъ образомъ проституцію и корчемство въ своихъ собственныхъ интересахъ, воевода на откупной суммѣ не остановился: онъ приказывалъ попавшимъ въ эту финансовую операцію „женкамъ“ „наговаривать на проѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно“, а затѣмъ, по этому наговору, безъ сыску, сажалъ увлекшихся воеводскими „безмужними женками“ въ тюрьму и вымучивалъ съ оклеветанныхъ большія деньги.

Словомъ, „воевода“ былъ злымъ геніемъ Сибири. Противъ его насилій возникали протесты, но и протестующіе служилые люди, принесшіе въ Сибирь аналогичныя съ воеводскими привычки, здѣсь еще болѣе портились; ихъ портила прежде всего новая роль завоевателей, а затѣмъ въ извѣстной мѣрѣ они портились и установившимися въ Сибири особенностями воеводскаго режима. Вообще, среда нахлынувшаго въ Сибирь служилаго люда была дикой

средой; въ ней господствовало кулачное право, всевозможныя насилія и пороки.

Остальные разряды русскаго населенія, пришедшаго въ Сибирь, принесли съ собой сюда тоже не мягкіе нравы, и, конечно, среди суровой природы и на сибирскомъ просторѣ, въ борьбѣ съ инородцами, эти нравы еще болѣе огрубѣли. Сохранившіеся и изданные акты рисуютъ сибирскіе нравы въ самыхъ темныхъ краскахъ: какихъ только насилій не учиняли русскіе люди разныхъ статей другъ надъ другомъ, какія только оскорбленія и преступленія не зарегистрованы во многочисленныхъ жалобахъ и челобитьяхъ, шедшихъ въ Москву изъ сибирскихъ странъ: стоитъ просмотрѣть, напр., кунгурскіе акты XVII стол., изданные г. Кузнецовымъ (1888 г. изд. въ Петербургѣ),—дѣло по жалобѣ стрѣлецкой жены на крестьянина объ оскорбленіи чести ея непотребными словами и дѣйствіями (1686 г.), судебныя дѣла о побояхъ, кражахъ и оскорбленіяхъ непристойными словами (1686 г.), дѣло 1691—1692 г.г. объ убійствѣ гулящаго человѣка,—чтобы понять, какъ мрачна и ужасна была жизнь пришлаго населенія въ Сибири. Представители духовенства, попы, не останавливавшіеся предъ вѣнчаніемъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей на чужихъ женахъ, разумѣется, не могли имѣть сколько нибудь благотворнаго вліянія на паству; такіе же самостоятельные люди, какъ протопопъ Аввакумъ, который хорошенько не зналъ, его ли мучилъ воевода Пашковъ или онъ воеводу, были рѣдки, да и ихъ суровый аскетизмъ и пріемы борьбы съ грѣхами міра сего чаще приводили къ результатамъ вполнѣ отрицательнаго характера для настоящей, „живой“ жизни.

Что касается высшаго духовенства, то не только монастыри, но даже и іерархи, за немногими исключеніями, заботились болѣе о матеріальныхъ своихъ интересахъ, чѣмъ объ учительствѣ, и вступали въ конфликтъ съ населеніемъ, инородческимъ и русскимъ, не на почвѣ духовной пропаганды, а на почвѣ поземельныхъ захватовъ. Такъ, напр., въ историческихъ актахъ XVII стол., изд. другимъ Кузне-

цовымъ (Иннокентіемъ) въ Томскѣ, встрѣчаемъ жалобу отъ 1678 г. „тобольскихъ, тюменскихъ и юртовскихъ служилыхъ и захребетныхъ и ясашныхъ татаръ, да верхотурскихъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ“ на „Корнилія митрополита“, что онъ у челобитчиковъ за 12 лѣтъ предъ тѣмъ „вотчинныя рыбныя ловли... взялъ“, и онѣ были отданы ему безъ государева указа „изъ приказной избы на оброкъ“: „Да и у иныхъ, де, ихъ братьи иноземцевъ и у русскихъ людей по тому жъ земли и угодья многія въ разныхъ мѣстахъ взяты и отданы ему жъ, Корнилію Митрополиту“.

Жаловались также и на архимандрита верхотурскаго Никольскаго монастыря, на то, что этотъ архимандритъ съ братіею „отнялъ крестьянскія ихъ пахотныя земли съ насѣяннымъ хлѣбомъ и скотскіе выпуски, и рыбныя ловли, а поселилъ на ихъ крестьянскихъ земляхъ онъ, архимандритъ, своихъ монастырскихъ крестьянъ“. Указывали, что на Пышмѣ рѣкѣ построены двѣ слободы — одна митрополита, а другая Невьянскаго монастыря [1]). Такимъ образомъ высшее духовенство явилось заинтересованной стороной въ сферѣ чисто экономическихъ отношеній, стороной, къ тому же поддерживаемой мѣстнымъ начальствомъ и потому совершавшей поземельныя экспропріаціи; такое духовенство было, конечно, неспособно бороться съ крайнею грубостью нравовъ и отношеній въ Сибири, тѣмъ болѣе, что оно, занимаясь стяжаніями, само погрязало въ развратѣ. Еще патріархъ Филаретъ указывалъ на такія явленія въ жизни сибирскихъ монастырей, которые были далеки отъ монашескихъ обѣтовъ. Монахи и монахини считали себя какъ-бы взаимно созданными другъ для друга и жили вмѣстѣ, не гнушались они мирскими людьми, и, снявъ съ себя чернецкую одежду, жили въ домахъ совсѣмъ по мірски. А какъ въ Сибири жили миряне, объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своей грамотѣ тотъ же Филаретъ: „многіе православные люди“, между проч., сообщалось здѣсь, „живутъ съ некрещеными

---

[1]) Историч. акты. Изд. 1890 г., 44 и 45 стр.

инородками, какъ бы со своими женами и дѣтей съ ними приживаютъ; иные женятся на сестрахъ двоюродныхъ и родныхъ, на дочеряхъ своихъ, блудомъ посягаютъ на своихъ матерей и дочерей, чего и въ поганыхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнусно"; далѣе, въ грамотѣ, составленной, конечно, на основаніи сообщеній изъ Сибири, разсказывалось, что многіе сибирскіе служилые люди закладываютъ своихъ женъ на сроки, на которые они отправляются куда-нибудь по службѣ, а принявшіе ихъ въ закладъ съ ними „блудъ творятъ беззазорно"; если же мужья затѣмъ такихъ заложенныхъ женъ не выкупятъ, то владѣтели этого живого заклада продаютъ ихъ „на воровство и на работу всякимъ людямъ"; „иные же", говорилъ патріархъ, „бѣдныхъ и убогихъ вдовъ и дѣвицъ безпомощныхъ для воровства берутъ къ себѣ насильно... А попы сибирскихъ городовъ черные и бѣлые, не только такія беззаконія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, а иныхъ вѣнчаютъ безъ знамени, не по христіански".

Таковы нравы, таковъ моральный строй жизни устанавливался въ Сибири съ самаго начала ея исторіи подъ русскимъ владычествомъ.

На тѣ же явленія указывалъ и сибирскій арх. Макарій въ донесеніи царю (отъ 1628 г.)[1]: „а иные, государь, въ Тобольскѣ казачьи дѣти матерей своихъ бьютъ и давятъ; а а иные казаки на Руси женъ своихъ и дѣтей пометали, а въ Сибири поимаютъ иныхъ женъ; а у иныхъ, государь, казаковъ и въ Сибири—на томъ городѣ жена и на другомъ другая, а иные государь, казаки велятъ женамъ своимъ блудъ дѣяти съ чужими мужми" и пр. „Отъ блуднаго пребеззаконнаго содомскаго житья быть не мошно", заключаетъ архіепископъ.

По другой отпискѣ Макарія рисуется такая картина: казаки, отправлявшіеся изъ сибирскихъ городовъ „съ соболиною казною" въ Москву, обыкновенно предварительно

---

[1]) Ист. Вѣстн. 1890 г., 41 томъ, 200 стр.

женились за верхотурскимъ волокомъ, а затѣмъ тутъ женъ своихъ „метали“, т. е. оставляли въ верхотурскихъ городахъ и селахъ и ѣхали въ Москву, тамъ снова женились, а то и просто пріобрѣтали чужихъ женъ и везли тѣхъ и другихъ въ Сибирь, выпросивъ у государя „подводы, на чемъ женъ весть“; по пріѣздѣ въ Сибирь, казаки такихъ вывезенныхъ женъ продавали „своей же братьѣ“; бывало и такъ, что жены на подводахъ запаздывали, а тѣмъ временемъ ихъ мужья, пріѣхавъ въ Сибирь раньше ихъ, женились тамъ „на иныхъ“ женщинахъ [1]). Привезенныя въ Сибирь женщины, какъ указывалъ патріархъ Филаретъ, продавались также литовцамъ, нѣмцамъ и татарамъ. „А воеводы“, читаемъ мы въ цитированной грамотѣ Филарета [2]), „того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, и иные же воеводы и сами такимъ ворамъ потакаютъ и попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать насильно“.

Еще бы воеводы поступали иначе, когда они сами поступали подобнымъ же образомъ, хотя иногда и обличали въ такомъ „воровствѣ“ другъ друга и служилыхъ людей. Такъ о нарымскомъ воеводѣ сообщалъ тобольскій, что тотъ „женъ служилыхъ людей бралъ насильно къ себѣ на постель, а когда мужья ихъ хотѣли писать на него грамоту и обратились съ этою цѣлью къ своему попу, то воевода билъ кнутомъ и попа и служилыхъ людей“ [3]).

Этихъ данныхъ, кажется, достаточно (число ихъ можно значительно увеличить). чтобы установить не только фактъ развращенности пришлаго населенія въ Сибири, но и причину этого печальнаго факта, заключающуюся въ другомъ фактѣ, извѣстномъ уже намъ изъ челобитной енисейск. крестьянъ, въ фактѣ недостатка женщинъ въ Сибири. Этимъ недостаткомъ, конечно, должны преимущественно

---

[1]) Тамъ же, 200.
[2]) Буцинск. цит. соч., 285.
[3]) Тамъ же, 285.

объясняться и тѣ грязныя, возмущающія душу крайности разврата, тѣ кровосмѣсительныя связи, на которыя указывала патріаршая грамота, и развитіе незаконнаго, контробанднаго ввоза женщинъ въ Сибирь, и торговля тамъ ими. На женщину въ Сибири смотрѣли, какъ на рѣдкій и потому особенно ходкій товаръ, а потому служилые люди, ѣхавшіе изъ Руси, запасали женъ не столько для себя, но и на продажу: такъ, напр., кн. Пронскій сообщалъ, что у томскихъ боярскихъ дѣтей, прибывшихъ съ Руси въ Тобольскъ, онъ нашелъ по нѣсколько „привозныхъ русскихъ женокъ“. Этихъ женокъ и дѣвицъ, если ихъ нельзя было купить, похищали въ Сибири даже у духовенства: встрѣчаемъ дѣло по извѣту одного попа на сына томскаго воеводы, въ томъ, что этотъ сынъ похитилъ у него, попа, сверхъ разной рухляди, еще дѣвку [1]).

По скольку всѣ отмѣченныя проступки противъ нравственности вытекали изъ факта недостатка женщинъ среди русскаго населенія въ Сибири, борьба съ этимъ преступленіемъ была невозможна даже и не такому носителю христіанскихъ идеаловъ, какимъ было въ тѣ времена сибирское духовенство. Этотъ фактъ, можно сказать, естественно-историческій фактъ и онъ вызвалъ чрезвычайную обостренность полового вопроса въ Сибири, обостренность, вторгшуюся въ жизнь не только русскаго, но и инородческаго населенія, которому пришлось подѣлиться своими женщинами съ пришельцами. Если эти послѣдніе не церемонились съ русскими женщинами, то тѣмъ менѣе они церемонились съ инородческими. Вся исторія покоренія Сибири и исторія взиманія съ ея обитателей ясака есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія похищенія женщинъ у инородческаго населенія: это—одна изъ самыхъ существенныхъ чертъ отношенія русскихъ къ инородцамъ Сибири, черта, имѣвшая нерѣдко рѣшающее значеніе въ эволюціи отрицательнаго отношенія туземцевъ къ пришельцамъ. Вотъ факты. Такъ,

---

[1]) Обзоръ столбц. и кн. Сиб. Прик I, 202.

въ 70-хъ годахъ въ Западной Сибири, при столкновеніи съ Калмыками, казаки уводили отъ нихъ въ плѣнъ по 100 и болѣе женщинъ, въ 1674 г. даже до 400 чел. заразъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Такъ, въ Восточной Сибири знаменитый Хабаровъ побралъ въ Дауріи у тунгускихъ племенъ „бабья поголовно, старыхъ и молодыхъ дѣвокъ—243 чел." Въ 1645 г. якуты жаловались на якутскаго воеводу и дьяка, что, по ихъ приказанію, служилые люди „бабъ у нихъ, у якутовъ, емлютъ сильно". Московскій царь въ наказѣ якутскому воеводѣ Приклонскому въ 1680 г. повторилъ жалобу на дѣтей боярскихъ, что они „у ясачныхъ людей женъ и дѣтей, и у многихъ жилецкихъ людей работницъ и племянницъ и дѣтей крестныхъ, угрожая, брали себѣ и отсылали въ иркутскій острогъ". То и дѣло брали въ плѣнъ инородческихъ женщинъ „съ бою": такъ въ 1680 г. казаки взяли на бою 20 дѣвокъ и 10 бабъ съ десятью ребятами мужескаго пола. Такая добыча называлась ясыремъ, и ее или держали при себѣ или продавали: такъ имѣется извѣстіе, что тунгускихъ дѣвицъ продавали за 7 соболей и за 10 лисицъ красныхъ съ 4 пластинками собольими.

На Колымѣ, какъ о томъ сообщали въ челобитной юкагиры, — казаки и служилые люди брали юкагирскихъ и ламутскихъ женщинъ за ясакъ и „тѣхъ женокъ изъ войска продавали промышленнымъ людямъ". Служилые люди, будучи въ походахъ на Индигиркѣ и Охотѣ „имали себѣ у инородцевъ, тунгусовъ и юкагировъ, женъ и дочерей для блуднаго дѣла". [1]) Фактовъ довольно: ясно, что женскій „ясырь", помимо первоначальнаго побужденія для пріобрѣтенія его, о чемъ имѣемъ выразительныя показанія актовъ, являлся весьма доходной статьей, ибо онъ былъ товаромъ, имѣвшимъ весьма хорошій сбытъ не только въ Сибири, но и на Руси, куда служилые люди пытались вывозить его... Какъ же относилось къ этому „ясырю" московское центральное правительство, московскій государь? На Русь „ясырь" пу-

---

[1]) Щаповъ, сочин., II, 426 и 427.

скать было не велѣно, на границѣ досматривали, и если находили, то некрещенныхъ отсылали назадъ въ Сибирь, а крещеныхъ уже не возвращали соплеменникамъ, а выдавали замужъ за служилыхъ людей. Московскій царь входилъ въ положеніе послѣднихъ и не желалъ ихъ оставлять безъ женъ; но, будучи православнымъ, онъ былъ противъ не законныхъ связей съ некрещеными инородками. Бракамъ же съ крещеными онъ покровительствовалъ въ интересахъ скорѣйшаго заселенія Сибири; конечно въ этихъ интересахъ онъ сочувственно отнесся къ обращенному къ нему воплю енисейскихъ крестьянъ о женахъ и предписалъ кн. Хованскому „отписать отъ себя въ сибирскіе города: гдѣ будутъ сыщутъ гулящихъ женокъ и дѣвокъ, велѣть послати къ Енисею“; однако сыскать русскихъ „гулящихъ“ женокъ въ сибирскихъ городахъ было трудно, почему поневолѣ приходилось смотрѣть съ надеждой, что изъ затруднительнаго положенія безсемейную вольницу и крестьянъ въ Сибири выведетъ инородческій сибирскій „ясырь“, а это само собой опредѣляло здѣсь миссіонерскую дѣятельность и даже насильственное распространеніе среди инородцевъ христіанства. Тѣмъ и другимъ—крещеніемъ и брачными связями—московское правительство надѣялось всего скорѣе умиротворить постоянно бунтовавшее инородческое населеніе; но въ первомъ вѣкѣ владычества этого сдѣлать было невозможно. Слишкомъ много накоплялось въ инородческихъ душахъ ненависти къ пришельцамъ. Раньше мы видѣли, какое значеніе въ жизни сибирскихъ инородцевъ имѣлъ ясакъ, теперь мы, надѣюсь, уяснили себѣ все пагубное для нихъ значеніе „ясыря“; подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ новыхъ условій ихъ существованія формировалась психика инородцевъ и вполнѣ естественнымъ результатомъ ихъ боевого настроенія явились частые сибирскіе бунты: то были отчаянные, по своей непосильности, протесты не только противъ закрѣпощенія труда сибирскихъ инородцевъ „державствомъ“ и его служилыми людьми, но и противъ систематическаго отбиранія у нихъ женщинъ. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ

г. Оглоблинъ въ своей статьѣ „О женскомъ вопросѣ въ Сибири XVII в.“, состав. на основанiи архивнаго матерiала, что „одной изъ главныхъ причинъ частыхъ бунтовъ инородцевъ“ была „месть за женщинъ“.

Но самый фактъ насильственнаго отбиранiя женщинъ у инородцевъ въ Сибири было естественнымъ результатомъ сибирской колонизацiи: начатая русскимъ „добрымъ молодцамъ“, казакомъ—промысловщикомъ, вольнымъ и невольнымъ пахаремъ на холостомъ положенiи, эта колонизацiя неизбѣжно должна была выразиться, кромѣ другихъ многихъ явленiй, и въ метизацiи русскаго населенiя въ Сибири. въ созданiи здѣсь своеобразнаго русско-сибирскаго типа, можетъ быть, даже въ новой, сибирской разновидности Русскаго народа.

VIII.

Русская колонизацiя въ Сибири сразу въ XVII-мъ столѣтiи тяжело налегла на инородческое населенiе этой страны. Оно было побѣжденнымъ и потому потерпѣло въ самыхъ кровныхъ, самыхъ насущныхъ своихъ интересахъ. Мы видѣли, какъ властно повели себя пришельцы по отношенiю къ инородческимъ женщинамъ, проявивъ въ деликатной сферѣ половыхъ отношенiй тѣ грубѣйшiе прiемы и нравы, которыми всюду характеризуются господа новыхъ колонiй.

Одинъ изъ самыхъ серьезныхъ послѣдствiй властнаго положенiя пришельцевъ въ Сибири было то, что они явились здѣсь рабовладѣльцами. Плѣнные, взятые на войнѣ, и въ Сибири попадали въ рабство побѣдителямъ. Какъ на цвѣтущихъ плантацiяхъ гдѣ нибудь въ центральной или южной Америкѣ, такъ и въ мрачной сибирской тайгѣ завоеватели стремились устраивать свое благополучiе—и многiе изъ нихъ устраивали—на рабствѣ, на рабскомъ трудѣ покоренныхъ. Женскiй и дѣтскiй „ясырь“, конечно, было всего удобнѣе эксплуатировать, какъ полную собственность. Инородка-рабыня прежде всего служила пришельцу, какъ самка, и въ качествѣ таковой была предметомъ самой

оживленной торговли. При этомъ въ сферу означенной торговли попадали и малолѣтнія дѣвочки, цѣна на которыхъ была не очень велика, иногда не дороже 20 коп.; ихъ покупали, такъ сказать, на племя, имѣя въ виду сдѣлать ихъ, по достиженіи ими зрѣлаго возраста, своими наложницами; нерѣдко, впрочемъ, владѣльцы такихъ дѣвочекъ не дожидались ихъ половой зрѣлости...

Половая эксплуатація рабынь-инородокъ ихъ владѣльцами не была только индивидуальной. Она шла дальше. Рабовладѣльцы своихъ наложницъ отдавали за деньги во временное пользованіе другимъ или „въ кортомъ". Это — обычай, практиковавшійся одинаково и русскими, и инородцами, имѣвшими его несомнѣнно и до прихода въ Сибирь русскихъ. Эти временно исправляющія должность подруги назывались „кортомными дѣвками", и рабовладѣльцы иногда составляли изъ нихъ публичные дома, которые приносили хозяевамъ значительные доходы. Такъ эксплуатировалась рабыня-инородка, какъ женщина; но сверхъ того, она эксплуатировалась, какъ рабочая сила въ дому: „самое содержаніе женщины для наложничества", справедливо замѣчаетъ историкъ рабства въ Сибири Шашковъ, „приносило существенныя выгоды рабовладѣльцу, доставляя ему разомъ и самку, и даровую работницу". Часть плѣнныхъ мужчинъ несомнѣнно обращалась тоже въ рабовъ, хотя со взрослыми мужчинами въ положеніи рабовъ предстояло, разумѣется, не мало хлопотъ; но за то въ числѣ „ясыря" желаннымъ для завоевателей элементомъ были мальчики, въ которыхъ они видѣли будущихъ покорныхъ даровыхъ работниковъ. Возникало рабское состояніе и на почвѣ купли-продажи, на почвѣ слѣдователено кабальной зависимости; при чемъ въ числѣ рабовладѣльцевъ являлось и духовенство: „Соборной церкви попъ Макарій Ѳедоровъ", гласитъ одна изъ записей „переписной книги мужескаго и женскаго пола людей", которые „служатъ по кабаламъ и купчимъ" у русскихъ служилыхъ людей, „сказалъ: есть де у него самояцкаго рода дѣвка Анютка, куплена у торговаго человѣка у Гришки

Трофимова"; та же запись свидѣтельствуетъ о томъ, что другой попъ имѣлъ „парня и дѣвку остяцкаго рода", „купленныхъ у ясашныхъ остяковъ" и что дьяконъ то же имѣлъ купленныхъ „парня и дѣвку" [1]) и проч. Можно указать еще на слѣдующее сообщеніе той же переписной книги: двое боярскихъ дѣтей Лихачевыхъ „сказали: „въ прошломъ, де, во 189 г. въ голодное время купили они у ясачнаго остяка сына ево, и тотъ остякъ у нихъ во дворѣ крещенъ именемъ Николайка" [2]). Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что кабальное холопство, въ сущности тоже рабство, привилось въ Сибири.

Такимъ образомъ рабство, женское, и мужское сдѣлалось виднымъ явленіемъ въ русско-сибирской жизни; оно вышло изъ ея суровыхъ, жестокихъ условій, почему противодѣйствіе рабству сибирскихъ инородцевъ со стороны московскаго правительства, въ частности противодѣйствіе Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича, осталось, какъ и многое въ законодательствѣ, мертвой буквой [3])...

Рабство было громадной соціальною данью, которой сибирскіе инородцы оплатили покореніе ихъ русскими. Но подлинными, частными, а не государственными рабами, были далеко не всѣ инородцы; большинство было только холопами великаго государя московскаго, бѣлаго царя, на котораго въ трудныя минуты жизни оно, по примѣру русскаго народа, и возлагало всѣ свои надежды и упованія... А трудныхъ минутъ въ жизни этого инородческаго большинства стало съ появленіемъ въ Сибири русскаго населенія очень много; пришельцы,—господа положенія,—сильно давали себя чувствовать туземцамъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ тѣхъ, о коихъ была уже рѣчь.

Не было насилія, на которое не были скоры побѣдители къ покореннымъ аборигенамъ. Въ актахъ разсѣяно не мало жалобъ, касающихся многихъ мелкихъ, повседневныхъ

[1]) Обозрѣн. столбц. и кн. Сибирск. Приказа, I, 108.

[2]) Тамъ же, I ч., 108 стр.

[3]) Шашковъ, Собр. Сочин., II, 506—519. Ядринцевъ, Сибирь, какъ колонія, 412 и сл. Сибирскій Сборникъ, Крѣпостные въ Сибири, статья Михайлова, 95—97.

агрессивныхъ отношенiй въ жизни первыхъ и послѣднихъ. То русскiе „насильствомъ своимъ“ скосятъ у туземца сѣно [1]), то причинятъ какой нибудь другой ущербъ хозяйству инородцевъ: такъ, напр., въ 1686 г. два черемисина пожаловались на двухъ кунгурскихъ жителей двумъ великимъ годарямъ и царевнѣ Софьѣ за то, что эти кунгуры засѣкли у нихъ двухъ кобылъ [2]). Словомъ, въ жизнь инородцевъ съ приходомъ русскихъ и утвержденiемъ ихъ въ Сибири, въ Западной и Восточной, вошло нѣчто чуждое, гнетущее и безнадежно роковое... Это роковое вытекало уже изъ самаго факта внѣдренiя русскихъ въ Сибири. Имъ понадобились большiя пространства лучшихъ сибирскихъ земель подъ пашню, для чего выжигались вѣковые лѣса,—и вотъ въ инородческихъ жалобахъ указывается прямое и трагическое послѣдствiе этого явленiя: вслѣдствiе „лѣсныхъ пожеговъ“ подъ пашни, „соболь и всякiй звѣрь бѣжитъ въ дальнiя мѣста [3]). „Соболь и всякiй звѣрь“ бѣжалъ или „опромышлялся“, и инородцамъ приходилось плохо. Ясакъ требовался по прежнему, а прежняго звѣря не было: приходилось поступать къ русскимъ „въ работу“, чтобы добыть необходимый московскому государю ясакъ.

Таково было новое „угнетенiе“, на которое жаловались сибирскiе инородцы, „угнетенiе“, являвшееся неизбѣжнымъ послѣдствiемъ внѣдренiя въ Сибири пришлаго населенiя. Господствующее положенiе этого населенiя все болѣе и болѣе давало себя чувствовать инородцамъ и выражалось даже въ насильственномъ держанiи инородцевъ въ работѣ, въ насильственномъ скупанiи у нихъ мягкой рухляди,—по мѣрѣ того, какъ увеличивалось количество русскихъ въ Сибири.

Мы видѣли, что въ Сибирь шли вольные, гулящiе люди, и этому движенiю покровительствовало московское правительство, само дѣятельно заботившееся о заселенiи Сибири и объ установленiи тамъ пашни. Мы знаемъ, что вольные

---

[1]) Кунгурск. акты XVII в., 121—123.
[2]) Тамъ же, 95 и слѣд.
[3]) Обзоръ столбцовъ и книгъ Сиб. приказа, III, 74.

и служилые люди занимались въ Сибири и промыслами, и торговлей, главнымъ образомъ, мягкою рухлядью, добываемою ими здѣсь разными способами, большею частью хищническими. Эту рухлядь они продавали не замедлившимъ явиться въ Сибирь купцамъ изъ Московскаго государства и изъ другихъ странъ. Возникшая въ Сибири, съ покореніемъ ея русскими, торговля была то же однимъ изъ путей сибирской колонизаціи, увеличенія въ Сибири количества пришлаго люда. Всюду въ Сибири мало по малу установились коммерческіе съѣзды, ярмарки, въ Среднеколымскѣ, Зашиверскѣ, Якутскѣ, Киренскѣ, Иркутскѣ, Онѣ, Нерчинскѣ, Енисейскѣ, Тобольскѣ, Туруханскѣ, Обдорскѣ, Березовѣ и Ирбитѣ. Авторъ „Историческаго обозрѣнія Сибири“ Словцовъ указываетъ, что въ XVII ст. „Сибирь кипѣла сбытомъ мягкой рухляди“.

Въ значительной степени этотъ порожденный завоеваніемъ внутренній сибирскій рынокъ явился результатомъ спроса русскаго купечества на сибирскіе цѣнные мѣха и такимъ образомъ служилъ преимущественно потребностямъ Московскаго государства, въ частности потребностямъ его торговли; сама же Сибирь получала въ обмѣнъ за ея мѣха гораздо меньше того, что она давала, и московская торговля въ Сибирь далеко не удовлетворяла русскихъ колонистовъ въ ихъ несложныхъ потребностяхъ, не давая Сибири въ достаточной мѣрѣ даже хлѣба; иногда, впрочемъ, неудовлетвореніе хлѣбомъ происходило не по винѣ самихъ московскихъ купцовъ: такъ отъ времени царя Алексѣя Михайловича имѣемъ извѣстіе, что злоупотребленія служилыхъ людей въ Сибири заставили купцовъ прекратить привозъ туда хлѣба и тамъ настала дороговизна... Какъ бы то ни было, обмѣнъ между Москвой и Сибирью возникъ и быстро развивался, при чемъ со второй половины XVII стол., важнѣйшимъ пунктомъ этого обмѣна является Ирбитская ярмарка. Возникновеніе и развитіе торговли между колоніей и ея метрополіей внесли оживленіе въ сферу обмѣна между Сибирью и другими Азіатскими государствами, существовавшаго до прихода въ Сибирь русскихъ, но расширившагося

съ появленіемъ здѣсь московскихъ купцовъ; это—караванная торговля съ Бухарой и Китаемъ; Бухарцы стали пріѣзжать на сибирскія ярмарки; являются и китайскіе купцы съ пестрыми тканями, китайкой, бодьяномъ, хиной, ревенемъ, шелкомъ и т. под. Тобольскъ былъ главнымъ центромъ этой торговли, дальше котораго китайцы не имѣли права проникать въ предѣлы Россіи. Отсюда купленные у китайцевъ товары отвозились русскими купцами въ Московское государство, изъ коего частью шли за границу, въ Западную Европу, вмѣстѣ съ сибирскими мѣхами. Наконецъ, чрезъ Нерчинскъ устанавливается русская торговля съ Китаемъ до самаго Пекина. Московское правительство сейчасъ же поспѣшило укрѣпить торговыя связи съ Китайцами, какъ скоро его колоніальныя владѣнія въ Сибири достигли границъ Небесной имперіи. По Нерчинскому договору 1689 г., когда Москва лишилась занятаго раньше „землепроходцами" Поамурья, были установлены болѣе правильныя торговыя сношенія русскихъ съ Китаемъ, болѣе правильный обмѣнъ русскихъ товаровъ, въ особенности сибирскихъ мѣховъ, на китайскіе товары. Московское правительство, внимательно относясь къ русско-китайской коммерціи, стремилось вообще не выпускать ея изъ подъ своей верховной ферулы, желало само пользоваться отъ этой торговли непосредственными выгодами: такъ въ 1694 г. было объявлено повелѣніе общаго характера—ежегодно посылать въ Китай купцовъ для торговли въ качествѣ коммерческихъ агентовъ самого московскаго государя, и мы имѣемъ извѣстіе, что въ 1696 г., очевидно, во исполненіе означеннаго распоряженія, въ Китай былъ снаряженъ купецъ Спиридонъ Лангусовъ—отвезти въ Китай мѣха и пріобрѣсти тамъ въ обмѣнъ за нихъ золото и разныя ткани [1]).

Такъ все болѣе и болѣе развиваясь, торговля—и внутренняя и внѣшняя, въ томъ числѣ и транзитная, только шедшая чрезъ Сибирь,—притягивала въ ея новые города и

[1]) Словцовъ, Историч. Обозр. Сибири, 168; Костомаровъ, Очеркъ торговли моск. госуд., 43 и 44.

городки все большее и большее количество пришельцевъ въ видѣ правительственныхъ коммерческихъ агентовъ—служилыхъ купцовъ, бывшихъ довѣренными прикащиками царя, и въ видѣ частныхъ купцовъ и ихъ прикащиковъ: это былъ преимущественно людъ, приходящій и уходящій, но бывало, хотя и рѣдко, и осѣдавшій въ Сибири и такимъ путемъ входившій въ составъ русско-сибирскаго общества. Такъ какъ такихъ купцовъ, которые навсегда поселялись въ Сибири было немного, то они естественно становились здѣсь монополистами. Наконецъ, составъ этого населенія пополнялся при помощи ссылки въ Сибирь преступниковъ, ссылки, ведущей свое начало еще съ XVI стол., когда были сосланы, напр., угличане вмѣстѣ съ колоколомъ, на звонъ котораго они сбѣжались и убили предполагаемыхъ убійцъ царевича Дмитрія. Но въ XVI стол. сибирская ссылка еще была болѣе или менѣе случайнымъ явленіемъ. Лишь въ XVII стол. она устанавливается, какъ весьма распространенный видъ наказанія, и пріобрѣтаетъ большое значеніе въ исторіи заселенія Сибири. Ссыльные это—люди, которыми создавался особый видъ невольной колонизаціи Сибири. Какъ на колонистовъ, обязанныхъ въ Сибири служить и работать, смотрѣло на ссыльныхъ московское правительство, оно очень рѣдко, только за тяжкія преступленія, напр., за оскорбленіе Величества, за убійство, ссылало въ сибирскую „тюрьму", а большею частью въ „службу"—служилыхъ, или на „пашню"—жилецкихъ; такимъ образомъ, оно стремилось и при помощи этихъ изгнанниковъ, отверженцевъ метрополіи, дѣлать дѣло по заселенію, а слѣдовательно и по укрѣпленію за Москвой сибирской колоніи. Правда, многіе изъ этихъ колонистовъ являлись въ Сибирь не въ очень красивомъ видѣ, не со всѣми членами тѣла, но безъ лишенія однако трудоспособности. Такъ у человѣка, ссылавшагося „въ казаки", предварительно отрѣзывались оба уха; у другихъ отрѣзывалось по одному уху. Правительство царя Ѳедора Алексѣевича, предписывая ссылать въ Сибирь „на пашню" воровъ вмѣстѣ съ ихъ семьями „за одно и за два

воровства", предусмотрительно прибавляетъ: „безъ отсѣченія рукъ и ногъ", а повинившихся въ разбоѣ, безъ убійства, на пашню же, съ отсѣченіемъ, но не рукъ и ногъ,— а „двухъ меньшихъ пальцевъ у лѣвой руки" и „съ отрѣзаніемъ лѣваго уха", значитъ тоже безъ полнаго уничтоженія способности къ полевымъ работамъ. Несомнѣнно, въ интересахъ заселенія Сибири ссыльными рабочими руками со всѣми пальцами сполна, указомъ 1686 г. было повелѣно налагать очень высокіе штрафы на арестованныхъ въ Москвѣ гулящихъ, безъ узаконеннаго удостовѣренія ихъ личности, людей—въ первый разъ 20, во второй 50 и въ третій 100 руб. и въ случаѣ неуплаты этихъ штрафовъ ссылать ихъ въ Сибирь. Само собой понятно, громадное большинство гулящихъ людей не имѣло ни малѣйшей возможности платить такія крупныя суммы въ качествѣ штрафовъ, неизбѣжно попадало въ разрядъ ссыльныхъ и сильно увеличивало собой кадры невольной сибирской колонизаціи.

Въ числѣ ссыльныхъ въ Сибири въ XVII стол. не мало было иноземцевъ, польскихъ, литовскихъ, нѣмецкихъ и др. людей, бывшихъ военноплѣнными и ссылавшихся въ Сибирь обыкновенно „на службу"; къ этому же разряду ссыльныхъ, къ „иноземцамъ", московское правительство относило и „черкасъ", малороссовъ, столь долго принадлежавшихъ къ составу другого государства. Документы свидѣтельствуютъ, что „иноземцы", сосланные въ Сибирь на службу, часто на столько свыкались съ сибирскою жизнью, что не возвращались оттуда на родину и тогда, когда получали для этого возможность. Эти ссыльные „иноземцы", въ особенности навсегда поселившіеся въ Сибири, безъ сомнѣнія, сыграли извѣстную роль въ культурномъ развитіи Сибири [1]). Они явились насадителями въ Сибири первыхъ сѣмянъ европейскаго общежитія, европейскихъ понятій и формъ жизни. Но прежде чѣмъ эти сѣмена дали болѣе или менѣе жизнеспособные ростки на дикой сибирской

---

[1]) Обзоръ столбц. и кн. Сиб. прик., III, 60 и 61.

почвѣ, тамъ встрѣтились культурныя теченія иного характера, шедшія изъ нѣдръ инородческаго и великорусскаго міровъ. Изъ Великороссіи явилось сюда христіанство, свѣтомъ котораго и тогда старались просвѣтить и спасти темныя, погруженныя въ шаманизмъ, души сибирскихъ инородцевъ; но, должно быть, плохо свѣтилъ этотъ свѣтъ чрезъ черныя рясы сибирскихъ иноковъ: потому-что шаманизмъ оказался сильнѣе христовой вѣры даже для душъ пришельцевъ, не исключая и воеводъ, проникшихся суевѣрнымъ страхомъ и уваженіемъ къ сибирскимъ колдунамъ. Такъ, напр., воевода Пашковъ, отпуская сына своего воевать „мунгальское царство“, пригласилъ не священника для молебна о благополучіи похода, а шамана и попросилъ его, какъ сообщаетъ очевидецъ, протопопъ Аввакумъ, „шаманить, сирѣчь гадать, удастся ли имъ походъ и съ добычею ли будутъ домой“. „Волхвъ же той, мужикъ, близъ моего зимовья“, разсказываетъ Аввакумъ, „привелъ жирова барана въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волховать, отвертя голову прочь. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать, крича много. О землю ударился и пѣна изо рта пошла. Бѣси его давили, а онъ спрашивалъ ихъ: удастся ли походъ. И бѣси сказали: съ побѣдою великою и съ богатствомъ большимъ будете назадъ“. Такъ относились къ шаманизму русскіе властные люди въ Сибири на первыхъ порахъ; въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе поразительно, что при Пашковѣ находился такой необыкновенный представитель христіанства и подвижникъ, какимъ былъ тогда тоже ссыльный, знаменитый протопопъ Аввакумъ, иногда поучавшій его отъ Св. Писанія и постоянно показывавшій ему яркіе и внушительные примѣры христіанскаго терпѣнія. Какіе же послѣ этого могли быть, дѣйствительные, а не формальные плоды отъ миссіонерства пьяныхъ и развратныхъ монаховъ среди инородческаго населенія, когда самимъ русскимъ инородческіе жрецы больше импонировали, чѣмъ служители Церкви, чѣмъ даже этотъ непоборимый страстотерпѣцъ, духовно мощный, хотя тоже едва ли способный

смягчать нравы,—протопопъ Аввакумъ? Разумѣется, никакихъ... Отсюда, мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что на первыхъ порахъ вліяніе шаманизма на русскихъ было сильнѣе вліянія христіанства на инородцевъ: послѣдніе и въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали крещены, оставались въ душѣ шаманистами,—и иначе и быть не могло: сами русскіе воеводы преклонялись предъ авторитетомъ сибирскихъ „бѣсовъ“.

И въ другихъ отношеніяхъ пришельцы не чуждались быта сибирскихъ инородцевъ, и это было вполнѣ естественно, при условіи сожитія ихъ съ инородками; бывало такъ, что, поселившись на время въ татарскихъ юртахъ, привыкнувъ ѣсть и пить изъ однихъ сосудовъ съ татарами, упиваясь съ ними въ посты и пользуясь ихъ женщинами, русскіе люди такъ обживались въ татарскомъ быту, что оставались въ юртахъ на много лѣтъ и не строили своихъ дворовъ, хотя ничто внѣшнее этому не мѣшало.

Вообще надо сказать, что какихъ либо особенныхъ духовныхъ препятствій къ сближенію на культурной почвѣ въ жизни русскихъ и инородцевъ въ Сибири не замѣчается, и по скольку между тѣми и другими не вставало господствующее положеніе первыхъ и основанное на немъ не только политическое, но и соціальное неравенство, оба міра, инородческій и русскій, уживались мирно и взаимно терпимо относились къ особенностямъ быта каждаго изъ нихъ, перенимая другъ у друга тѣ изъ этихъ особенностей, которыя поражали, которыя нравились тому или другому...

Предъ чѣмъ изъ особенностей русскаго быта инородческій міръ не устоялъ въ сношеніяхъ съ русскими, это—предъ двумя изъ заповѣдныхъ товаровъ, которые однако доставались инородцамъ въ три-дорога, за цѣнную мягкую рухлядь, русскими ея скупщиками,—предъ табакомъ и водкой, этими первыми пришлыми богами, предъ которыми преклонился сибирскій инородецъ, которые смутили его вѣковой душевный покой, разрушили его патріархальную нравственность и довели его до окончательнаго раззоренія. Такъ сокрушительно повліялъ русскій бытъ въ Сибири на инород-

ческій одною изъ самыхъ отрицательныхъ своихъ особенностей, отмѣченною еще на первыхъ страницахъ начальной лѣтописи, склонностью русскаго человѣка къ вину, которое, держа самого его въ плѣну, заполонило и сибирскаго инородца,—и потому полное освобожденіе Руси отъ „зеленаго змія“ будетъ истиннымъ началомъ культурнаго возрожденія не только русской, но и инородческой жизни. Тогда-то она, сдѣлавшись свободной и въ другихъ отношеніяхъ, мощно разольется во всю необъятную ширь великой нашей родины.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

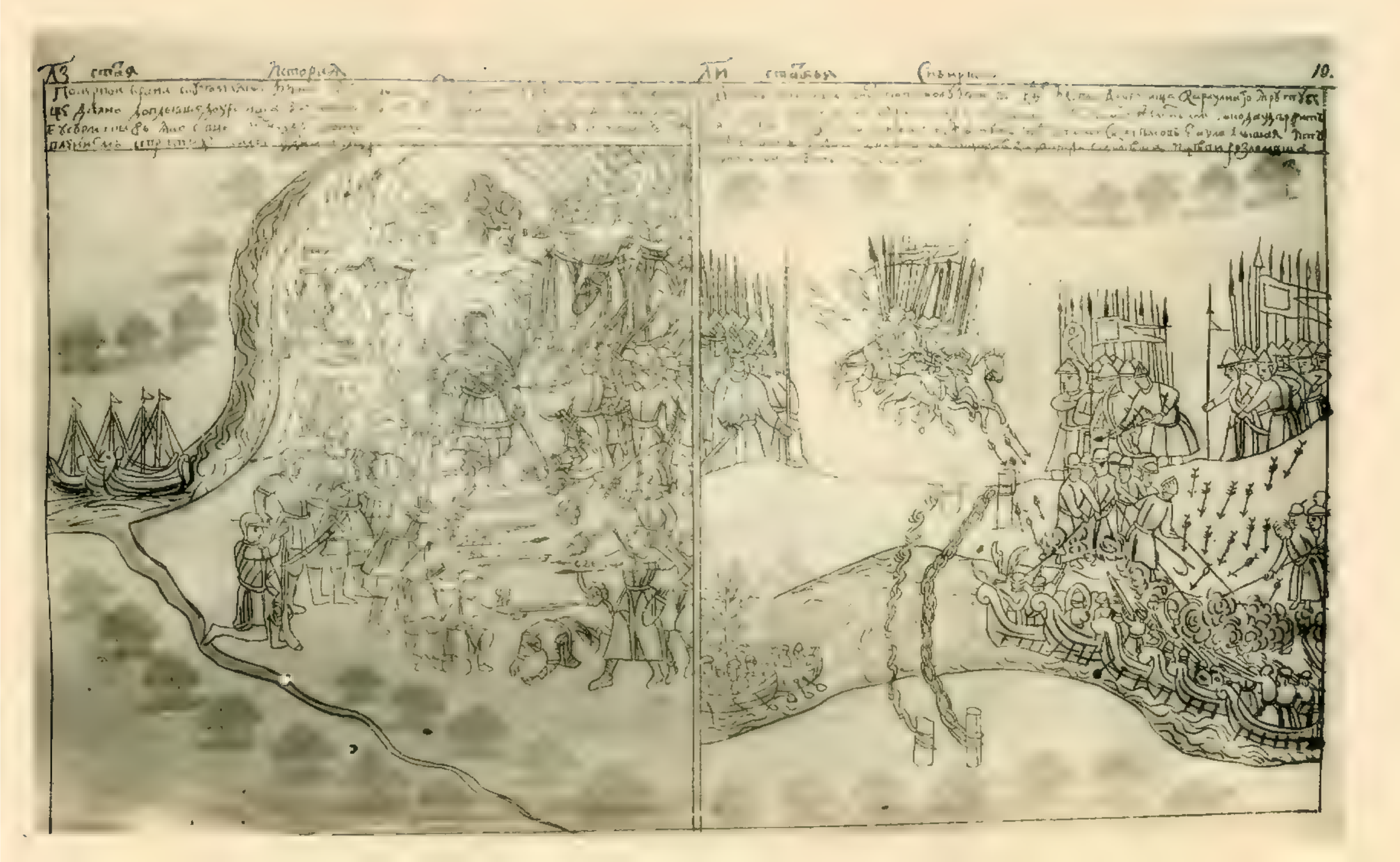
Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
55	12 сверху	на нихъ же	на нихъ
58	5 сверху	людей	служилыхъ людей

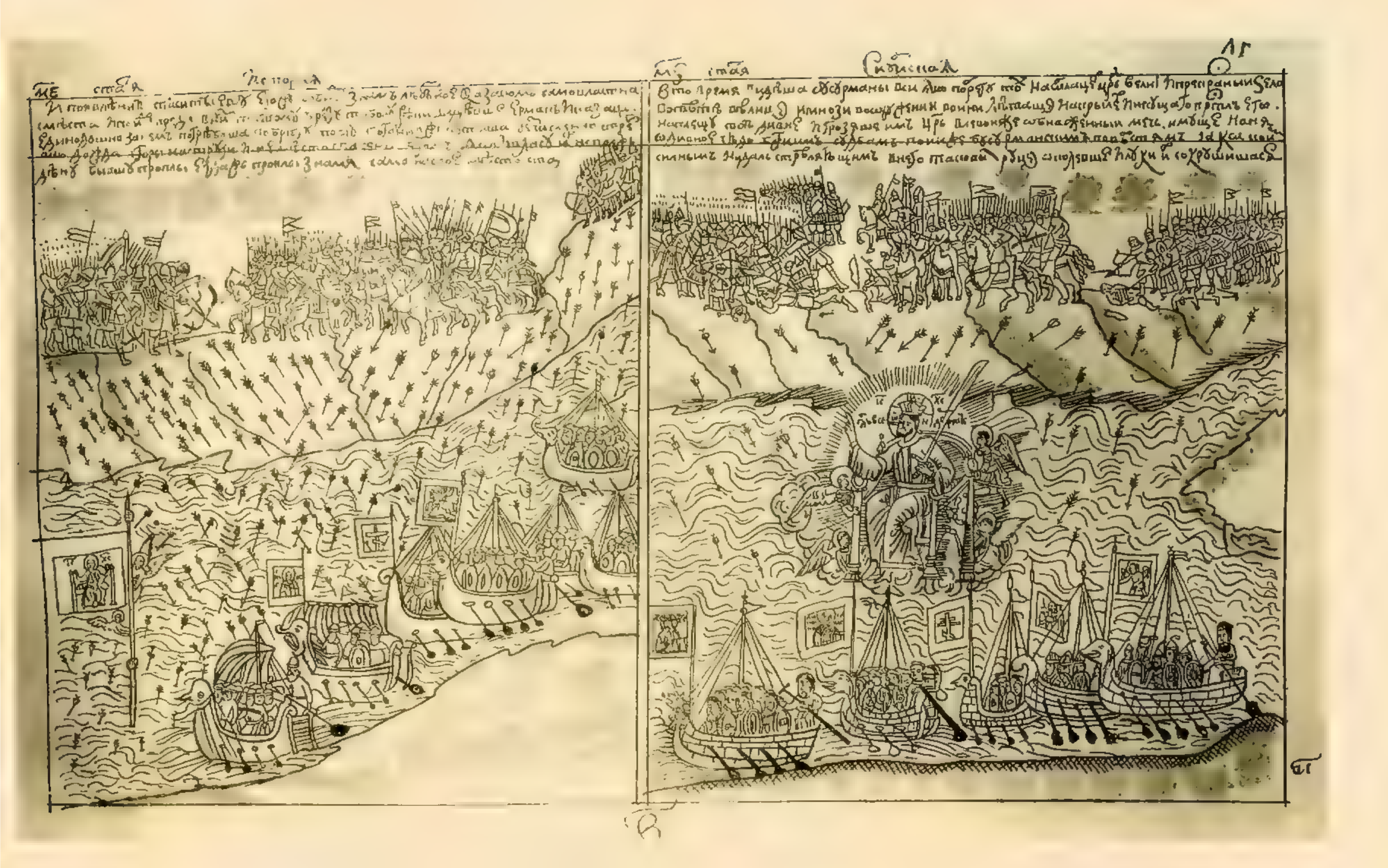

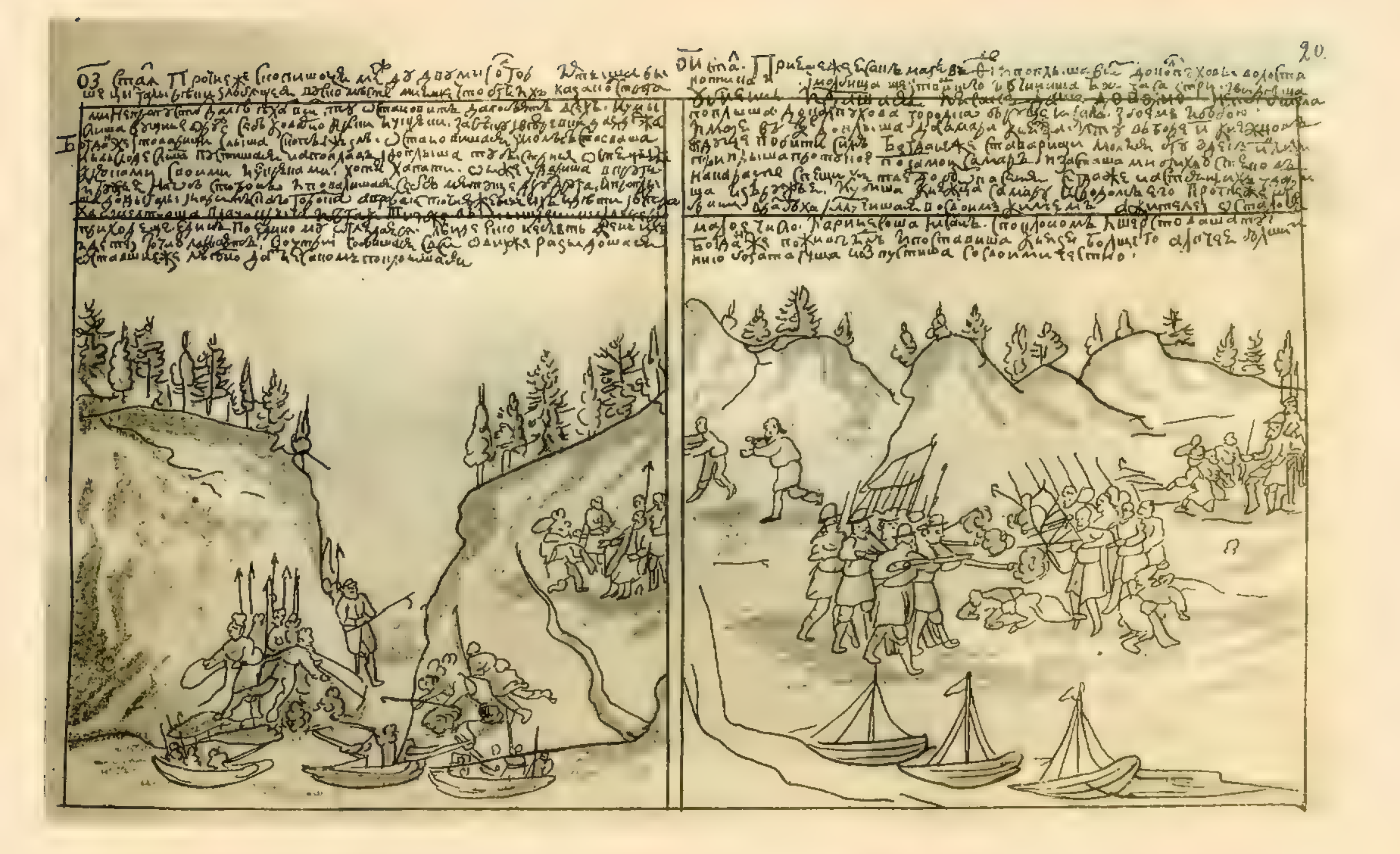

статья История
статья Сибирская

история

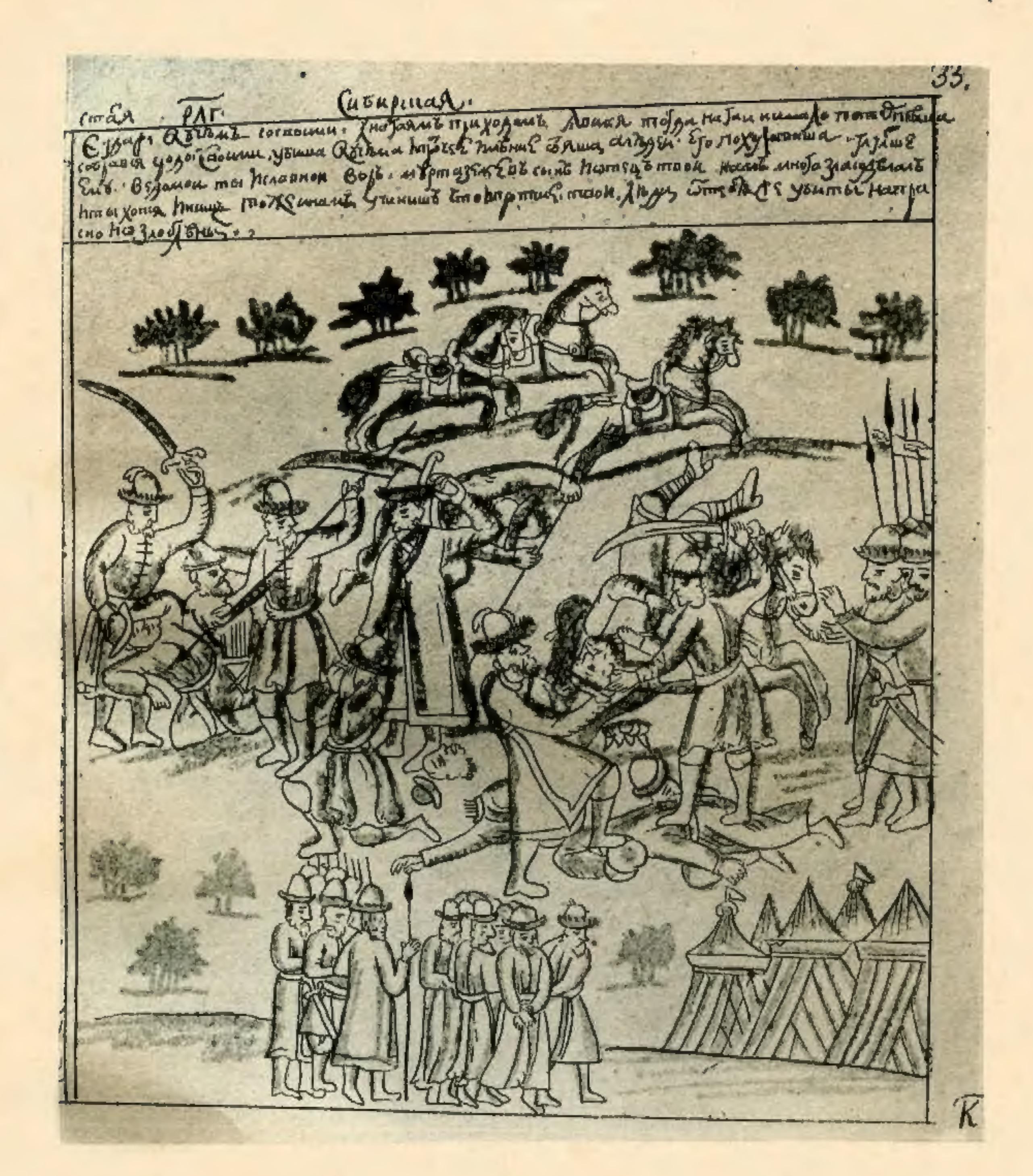

27.

33,
Сибирская.
К

Того же автора

сочиненія, вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ:

1. Вступленіе на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны. (Распродано).
2. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ коммиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія. (Распродано).
3. Изъ области народныхъ картинъ. (Распродано).
4. Правительство Московской Россіи и Петръ Вел. въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу.
5. Содержаніе и характеристика Галицко-Волынской лѣтописи. (Распродано).
6. Голодъ предъ Смутнымъ временемъ въ Московскомъ Государствѣ. (Распродано).
7. Русское законодательство о хлѣбномъ винѣ въ XVIII стол.
8. Царь Иванъ Вас. Грозный. (Распродано).
9. Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности Ив. Ив. Неплюева. (Распродано).
10. Русскія торгово-промышленныя компаніи въ первую полов. XVIII стол.
11. Нѣкоторыя черты изъ исторіи торгово-промышленной жизни Поволжья. (Распродано).
12. Русскія балансовыя вѣдомости, какъ историко-статистическій источникъ.
13. Рецензія на сочин. Эварницкаго—Исторія запорожскихъ Казаковъ, т. I. (Нѣтъ въ продажѣ).
14. Вопросъ о причинахъ пониженія вексельнаго курса и о средствахъ къ его возвышенію въ царствованіе Императрицы Екатерины II.
15. Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II. (Распродано).
16. Петръ Великій, какъ хозяинъ.
17. Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. 2-е изданіе.
18. Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики.
19. Александръ I и его душевная драма.
20. Крестьянскія волненія до XIX в. (Нѣтъ въ продажѣ).
21. 1812 годъ въ соціолого-психологическомъ освѣщеніи.
22. „Примѣчанія“ къ исторіи Пугачевскаго бунта А. С. Пушкина въ Сочиненіяхъ Пушкина, изд. Императорской Академіи Наукъ, томъ XI.
23. Петръ III-й и Екатерина II-я. Первые годы царствованія.